

ОБЪЕКТ: Н. А. К.

ДОПУСК: ОГРАНИЧЕННЫЙ

УРОВЕНЬ: 7

СТАТУС:

СЕССИЯ ЧТЕНИЯ

ПРАВО ГОЛОСА:

ОГРАНИЧЕНО

Кира Резник

ЧИТАТЕЛЬ

время: 22:17:43

файл: ЧИТАТЕЛЬ

страниц: 197

Политическая цензура

Содержит материалы, которые могут нанести вред нравственности и здоровью отдельных граждан

Интерпретация

Авторская копия

Не подлежит
распространению X

ОТКАЗ ОТ ЧТЕНИЯ

ФИКСАЦИЯ ОТКАЗА

ВЕДЕТ К ПОТЕРЕ

КОНТЕКСТА

МАРШРУТ АКТИВЕН

С. - ПЕТЕРБУРГ

КОНТУР: ЦЕНТР

ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЕН

УРОВЕНЬ ДОПУСКА: 7

ДОСЬЕ

ИСТОЧНИК: АРХИВ

КЛАСС: ЛИЧНОЕ

КОД: К-7//Н.А.К.

СТРАНИЦ: 197

РЕДАКЦИЯ: ЧЕРНОВИК

ПОМЕТКИ РЕДАКТОРА

- удалить сомнительно
- важно
- повтор
- не подтверждено ?

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ЧАСТИЧНАЯ

ДЕЛО №

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДОСЬЕ

ОБЪЕКТ: Н. А. К.

гитали
между строк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Последний вход

Книга 5

18+

Мои гитали и
Мои гитали о
А выбор - это и есть

Кира Резник

Читатель

<https://litres.ru/73985761>

SelfPub; 2026

Аннотация

После «Объекта наблюдения» Надя Климова перестала быть только человеком, который расследует чужие цифровые следы. Теперь читают её саму.

Бумажный пакет без отправителя приносит текст, где описано её утро: окно, кружка, молчание, незвонок Паше. Это не мистика и не угадывание. Кто-то слишком долго наблюдал, собирал привычки, слабые места, старые дела, медицинские карты, голоса, детские программы и доверенные контакты. Сначала человека наблюдают. Потом читают. Потом пытаются дописать.

Новая серия смертей, исчезновений и странных поступков ведёт Надю, Суханова, Риту, Морозова и Пашу к закрытому контуру «читательского доступа». Там чужие жизни разбирают как текст: где сломать, кого вернуть в роль, кому подложить нужную правду. И если Надю уже прочитали почти точно, ей остаётся сделать одно - доказать, что точное описание ещё не даёт права на финал.

Содержание

Глава 1. Бумажный пакет	4
Глава 2. Повествовательная устойчивость	16
Глава 3. Лестница	27
Глава 4. Не читатель решает	41
Глава 5. Береговой	51
Глава 6. Заявление отозвано	64
Глава 7. Ленинский проспект	76
Глава 8. Чужая роль	86
Глава 9. Остаточная привязка	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Читатель

Глава 1. Бумажный пакет

Курьер пришёл в девять сорок две, когда Надя уже успела открыть окно, закрыть окно, поставить кружку на край стола, переставить её к стене и возненавидеть себя за то, что всё это вообще замечает. После «Север-2» бытовые движения стали подозрительными. Раньше чашка была чашкой, ключи - ключами, окно - способом впустить сырой воздух с Дровяного. Теперь любая мелочь могла оказаться не привычкой, а параметром: куда ставит, какой рукой берёт, сколько секунд держит трубку до ответа, почему не звонит Лазареву, хотя телефон лежит рядом экраном вниз и молчит слишком акуратно.

Дождь начался ночью и к утру перешёл в мелкую влажную пыль. Петербург не мылся, а размазывал по себе вчерашнюю грязь. Во дворе мокли баки, возле подъезда стоял чужой самокат, пристёгнутый так безнадёжно, будто владелец давно понял про человеческую веру в замки, но всё равно продолжал соблюдать форму. Надя стояла у окна босиком, в старой футболке и джинсах, и думала о том, что если бы кто-то сейчас описывал её со стороны, получилось бы почти жалко. Женщина после дела. Квартира после обыска. Кофе после третьего подогрева. Жизнь после того, как тебя попытались

вернуть в детскую программу с инвентарным номером.

Она закрыла окно.

Потом снова открыла.

Телефон на столе не звонил. Паша не писал. Она сама велела ему не писать без необходимости, а потом всю ночь раздражалась на то, что он впервые за долгое время послушался. Это было несправедливо, мелко и очень по-человечески, поэтому Надя запретила себе думать дальше. Система и без неё прекрасно умела превращать человеческое в схему. Нечего было помогать.

Звонок в дверь прозвучал коротко и почти вежливо.

Надя не двинулась сразу. Сначала посмотрела на часы на ноутбуке, потом на телефон, потом на дверь. Второй замок был закрыт. После книги с живыми покойниками и мёртвыми ключами она наконец вызвала слесаря, тот пришёл с перегаром, молча заменил личинку и сказал, что теперь «более-менее». Надя заплатила наличными. Слесарь дал визитку без имени, только номер, и посоветовал не доверять домофону. Хороший человек. Почти криминалист.

Звонок повторился.

- Кто?

- Доставка, - сказал мужской голос за дверью. Молодой, уставший, с той интонацией, с какой люди на смене заранее извиняются за чужой адрес, чужой код, чужую лестницу без лифта.

- От кого?

- Не указано. Пакет для Климовой Надежды Александровны. Подпись не нужна, только фото у двери.

Вот это уже было интересно. Подпись не нужна. Фото у двери. Минимальная цепочка, максимальная грязь. Надя взяла телефон, включила запись видео, сняла прихожую, замки, ручку, затем заглянула в глазок. За дверью стоял курьер в жёлтой куртке без логотипа, мокрый по плечам, с термосумкой на спине и белым бумажным пакетом в руках. Лицо обычное, слишком обычное для человека, который мог стать свидетелем начала следующего дела и через час забыть квартиру, этаж и женщину за дверью.

- Пакет на пол. Отойдите на три шага.

- Мне фото надо.

- Фото пакета у двери. Не меня.

Курьер помолчал.

- У меня приложение не примет.

- Тогда скажите приложению, что оно сегодня участвует в следственном действии без статуса.

- Чего?

- Пакет на пол. Отойти.

Он положил пакет, сделал снимок, отступил к лестнице. Надя видела через глазок, как он нервно коснулся наушника, потом телефона, потом рукава. Не испуганный. Раздражённый. Он не знал, что привёз. Это не успокаивало. Люди редко знали, что именно несут, когда цепочка сделана правильно.

Она открыла дверь не больше чем на ладонь, сняла общий план, лестницу, пакет, мокрые следы курьера, кусок серого линолеума у порога, где подтекавшая батарея оставила ржавую дугу. Курьер уже спускался. На площадке второго этажа он кашлянул и кому-то сказал в телефон:

- Да забралось. Еду.

Забралось. Хорошее слово. Почти живое.

Надя закрыла дверь, поставила цепочку, потом только подняла пакет двумя пальцами за верхний сгиб и перенесла на кухню. Белая плотная бумага. Без логотипа. Без адресной наклейки с обычным кривым шрифтом маркетплейса. Только маленькая прямоугольная этикетка, распечатанная на термопринтере: «Климова Н. А.» Ни телефона. Ни номера заказа. Ни отправителя. Вес небольшой. Бумага внутри.

Она не стала открывать сразу. Сначала позвонила Суханову.

Он ответил на третьем гудке, и по дыханию было ясно: не спал нормально, но уже в работе.

- Да.

- Мне принесли бумажный пакет без отправителя.

- Ты открыла?

- Я выгляжу как человек, который в хорошем смысле доверяет доставке?

- Климова.

- Нет. Не открыла. Курьер ушёл. Видео есть. Пакет на столе.

Суханов выдохнул тяжело, почти зло. После «Север-2» он стал говорить ещё меньше, но в паузах появилось больше старости. Не возрастной, а служебной: всё, что он не сказал вовремя, теперь ходило рядом и требовало места.

- Лазареву звонила?

- Нет.

- Почему?

- Потому что пакет принесли мне, а не якорю.

На той стороне стало тихо. Суханов не любил это слово почти физически. После отказа Паши от функции держателя оно должно было умереть, но слова такого типа умирали плохо: продолжали жить в документах, в памяти, в чужих привычках, в том, как люди слишком быстро ставят человека рядом с другим и называют это безопасностью.

- Не надо так, - сказал он.

- Знаю.

- Но сказала.

- Да.

- Плохо.

- Да.

Он не стал утешать. За это Надя была ему благодарна почти до злости.

- Я пришлю Морозова, - сказал Суханов. - И сам подъеду.

Пакет не вскрывать.

- Игорь.

- Что?

- Если внутри бумага, они выбрали бумагу не из романтики. Они знают, что Морозов будет искать цифру, ты - цепочку, Рита - тело, Паша - процедуру.

- А ты?

Надя посмотрела на пакет. Он лежал на столе спокойно, слишком белый на фоне старой клеёнки с пятном от кофе. Казалось, если долго смотреть, бумага сама начнёт желтеть от чужого смысла.

- А я начну читать.

- Не начинай одна.

- Поздно начал командовать.

- Не повторяй старые шутки, они у нас плохо заканчиваются.

Суханов отключился, не попрощавшись. Надя ещё несколько секунд держала телефон в руке, потом положила его рядом с пакетом экраном вверх. На экране не было ни одного сообщения от Паши. Она разозлилась на себя снова, уже устало, без огня.

Пакет открывался легко. Верхний клапан был сложен аккуратно, без клея, без скобы, без попытки удержать содержимое. Внутри лежала тонкая папка из серого картона, три листа обычной офисной бумаги и маленький прозрачный пакетик с чайной биркой. Бирка была от дешёвого чёрного чая, такого, какой ставят в переговорных, где люди экономят даже на бессоннице. Никакой угрозы. Никакого ножа. Никакого носителя.

На первом листе не было шапки. Только текст.

«Она не позвонила Лазареву, хотя телефон лежал рядом. Думала, что это будет правильнее. Потом переставила кружку ближе к стене, потому что на краю стола она выглядела как вещь, которую можно случайно уронить. Открыла окно. Закрыла. Открыла снова. Воздух был мокрый и пах мусорными баками, но это всё равно был воздух снаружи, а не воздух программы».

Надя не сразу поняла, что перестала дышать.

Не потому, что текст был мистическим. Он был не мистическим. Именно это делало его хуже. Человек, писавший, не заглядывал ей в голову через волшебную щель. Он брал видимые куски, старые привычки, квартиру, окно, Пашу, кружку, её упрямство, её страх быть связанной чужой ролью, и собирал из этого внутренний ход так точно, что телу хотелось отступить от собственной кожи.

Она прочитала дальше.

«Мысль о Марии Климовой пришла не как воспоминание, а как запрет на воспоминание. Объект не удерживает образ матери дольше трёх секунд, если рядом нет служебной задачи. В бытовой среде запускается подавление. Предположительно: страх возвращения в материнский контур, усиленный после повреждения “Север-2”».

Вот здесь рука сама потянулась к телефону.

Надя остановила её на полпути. Не красиво, не героически. Просто положила ладонь на стол и прижала пальцы к

клеёнке так сильно, что под ногтями заболело. Если сейчас позвонить Суханову, текст получит первый ответ. Если позвонить Паше - получит второй, более нужный. Если не позвонить никому - тоже ответ, только другой.

Она читала дальше.

«Климова считает, что молчание сохраняет субъектность. Ошибка. Молчание тоже является реакцией, если наблюдатель знает цену звонка».

Надя усмехнулась. Не громко. Почти без звука.

- Умные какие.

На втором листе текст менялся. Уже не описание утра, а что-то похожее на протокол чтения: короткие блоки, пометки, холодные глаголы.

«Объект: Климова Н. А.

Статус после возврата: не возвращена.

Якорная пара: разомкнута формально, остаточная привязка активна.

Основной способ воздействия: вина.

Страх: вторичен.

Злость: нестабильный защитный ресурс.

Точка входа: не тело, не документ, не цифровой след. Внутренний голос».

Надя почувствовала, как поднимается злость. Хорошая, рабочая, грязная. Не паника. Не обида. Не «как они смеют». Они смели всё уже давно. Смешно было удивляться в пятой книге своей жизни, что зло имеет доступ к стилю.

На третьем листе был один абзац.

«Читатель подтверждён. Объект сохраняет повествовательную устойчивость. Следующая проверка: внешнее событие с независимым телом. При сохранении реакции Климовой - открыть сессию второго уровня».

Ниже стояла строка, набранная другим шрифтом, крупнее.

«Сегодня в 14:30 она узнает, что Ракитин не упал сам».

Надя смотрела на фамилию и пыталась понять, знает ли она её. Ракитин. Не из старых дел Белова. Не из «Север-2». Где-то в боковой памяти всплыл усталый мужчина в очках, короткая переписка через Суханова, чужой материал о закрытых фондах, который тогда не дошёл до публикации. Лев Ракитин. Бывший журналист, потом автор расследований на маленьких площадках, потом никто, потому что «никто» было самым удобным статусом для людей, которые продолжают задавать вопросы без редакции за спиной.

Телефон зазвонил в 9:56.

Надя посмотрела на экран. Паша.

Она не ответила сразу. Не из игры. Из злости на текст, который уже поставил этот звонок внутрь своей логики. Один гудок. Второй. Третий.

Потом она всё-таки приняла вызов.

- Не приезжай, - сказала она.

Паша молчал долю секунды.

- Значит, уже надо.

- Я сказала не приезжай.

- Я услышал.

- И?

- И именно поэтому не обещаю.

Надя закрыла глаза. Вот это было хуже. Не потому, что он спорил. Потому что спорил не как держатель, не как якорь, не как правильный человек рядом с травмированной женщиной. А как Паша. Живой, упрямый, усталый, уже понимающий, что любое движение рядом с ней может быть прочитано, но всё равно не желающий отдавать своё право двигаться.

- Тебе Суханов звонил? - спросила она.

- Да. Сказал, бумага. Я спросил, где вы. Он сказал: «Дома, и, судя по голосу, собирается сделать что-нибудь разумное, то есть опасное». Я решил уточнить.

- Уточнил?

- Нет.

Она посмотрела на третий лист, на фамилию Ракитина, на чайную бирку в прозрачном пакете. Бирка была мокрая по краю, хотя пакет внутри был сухой. Мелочь. Очень живая мелочь. Кто-то пил чай, читал, правил, оставил след не из цифрового контура, а из человеческой комнаты.

- Паша, - сказала она. - Ты не едешь ко мне. Езжай к Суханову. Пусть поднимет Льва Ракитина. Бывший журналист, закрытые фонды, социальные программы, может быть, опека. Если он жив, найти и не пугать. Если мёртв...

Она замолчала.

- Я понял, - сказал Паша.

- Нет. Не понял. Не надо сейчас быть рядом со мной первым движением. Они этого ждут.

- А чего они не ждут?

Надя посмотрела на строчку: «злость: нестабильный защитный ресурс».

- Что я умею быть неприятной без пользы для себя.

Паша не ответил. В трубке был слышен улица, мокрые машины, чей-то голос, короткий скрип тормозов. Он уже был не дома, не в кабинете. Двигался.

- Вы прочитали текст? - спросил он.

- Да.

- Он про вас?

- Он думает, что про меня.

- Разница есть?

Надя снова усмехнулась. На этот раз почти по-настоящему.

- Ради неё и живём.

Она отключилась первой. Потом сняла весь пакет, листы, бирку, стол, часы, собственную руку рядом с текстом. Не потому, что это её успокаивало. Просто работа была единственным способом не отдать себя чтению целиком.

В 10:04 пришло сообщение от неизвестного номера. Без вложений. Всего одна строка.

«Вы уже начали отвечать правильно».

Надя положила телефон экраном вниз.

- Нет, - сказала она пустой кухне. - Это вы начали писать слишком рано.

Глава 2. Повествовательная устойчивость

Суханов приехал через сорок минут и принёс с собой не только Морозова, но и ту служебную злость, которая у него обычно появлялась, когда дело уже успело перешагнуть через ведомственные границы и теперь делало вид, что никакой границы не было. Морозов вошёл первым, с рюкзаком, перчатками и лицом человека, которого бумага оскорбила самим фактом существования. За ним - Суханов, мокрый воротник, глаза тяжёлые, губы сжаты. Паши не было. Надя отметила это раньше, чем успела запретить себе отмечать, и сразу разозлилась.

- Лазарев у меня, - сказал Суханов, словно прочитал её лицо.

- Я не спрашивала.

- Поэтому и отвечаю.

Морозов поставил рюкзак на стул, увидел пакет на столе, листы, чайную бирку, телефон экраном вниз и коротко сказал:

- Прекрасно. Наконец-то злодеи открыли кружок литературного садизма. Давно пора, техника устала одна позориться.

- Сначала фиксируй, потом страдай, - сказала Надя.

- Я многозадачный.

Он работал быстро, но без суеты. Снимки общего плана, размеры пакета, этикетка, складки, загрязнения, края бумаги, следы термопечати, прозрачный пакетик с биркой, положение листов. Каждое движение было скучным, точным и поэтому почти успокаивающим. В цифровых делах люди часто хотели чуда: взлома, карты, мигающего адреса. Настоящая работа начиналась с того, что взрослый мужчина в перчатках десять минут фотографировал чайную бирку и не давал никому дышать над клеевым краем.

Суханов стоял у окна и читал текст. Не сел. Он вообще редко садился, когда ему было плохо. Стоял, как будто тело могло удержать дело вертикально, если самому не дать себе согнуться.

- Ракитина поднимают, - сказал он. - Паша уже в контакте с его бывшей коллегой. Телефон Ракитина не отвечает. По адресу никто не открывает.

- Он где жил?

- На Черняховского. Комната в старом фонде, коммуналка, часть расселена, часть жива назло всем программам улучшения жилищных условий. Последняя публичная активность - вчера в 23:11. Пост без текста, картинка старой таблички фонда «Родник». Ты знаешь фонд?

Надя вспомнила не сразу. «Родник» звучал слишком мирно, поэтому мог означать всё что угодно: детский лагерь, благотворительность, реабилитацию, систему распре-

деления детей, которую потом переименовали, переподшили и отдали в частные руки с отчётом о социальной пользе. В их мире добрые названия давно перестали означать добро. Они означали, что кто-то заранее заботился о звучании.

- Встречала в материалах по первичному восстановлению. Не как центральный контур. Скорее подрядчик или фонд-прокладка.

- Ракитин писал про них, - сказал Суханов. - Два года назад. Материал сняли. Потом он ушёл из редакции. Официально - конфликт, алкоголь, профессиональное выгорание. Неофициально - слишком много документов, слишком мало защиты.

Морозов хмыкнул, не поднимая головы.

- Классика жанра. Если человек пьёт, значит, его можно не читать. Очень удобно для всех, кроме человека и правды.

Надя посмотрела на лист с собственным утренним описанием. Там её читали. Ракитина, вероятно, не читали именно потому, что его было слишком легко списать. Пьяный журналист, бывший журналист, скандалист, без редакции, без семьи, без статуса. Такие люди исчезали из внимания не потому, что их прятали. Их просто переставали принимать в качестве источника, и это было почти то же самое.

- Что по курьеру? - спросила она.

Морозов показал на маленькую наклейку.

- Сервис серый. Не большой агрегатор. Локальная курьерская платформа, где заказ можно оформить через витрину

без нормальной верификации, оплатить подарочным балансом, номер отправителя подменный. Курьера найдём, но он, скорее всего, видел только пункт выдачи. Метка маршрута есть, но я заранее ненавижу всё, что увижу.

- Почему?

- Потому что люди, которые выбирают бумагу, но всё равно пользуются курьерской платформой, делают это не от тупости. Они оставили нам маршрут, который должен выглядеть полезным.

Суханов наконец сел. Стул скрипнул.

- То есть приманка.

- Всё приманка, Игорь Михайлович. Просто некоторые приманки хотя бы вкусные. Эта пахнет термобумагой и плохой литературой.

Надя взяла копию первого листа, которую успела снять на свой телефон до приезда Морозова, и прочитала ещё раз. «Она не позвонила Лазареву...» Слишком точная бытовая ткань. Не технический профиль. Не сухой анализ. Там был ритм. Плохой, чужой, но ритм. Кто-то умел не только наблюдать, но и собирать наблюдение в текст, где человек начинал узнавать себя. Это было опаснее базы. База ошибалась грубо, зато текст умел льстить страху: смотри, я тебя понял.

- Это писал не айтишник, - сказала Надя.

Морозов оскорбился почти искренне.

- Благодарю от лица выживших айтишников.

- И не следователь. Следователь написал бы либо сухо,

либо с лишней угрозой. Здесь другой навык. Редакторский. Психологический. Человек понимает, как выстроить сцену, чтобы я начала отвечать не факту, а описанию себя.

Суханов смотрел на неё внимательно.

- Ты начала?

- Да.

- Хорошо, что честно.

- Плохо, что да.

Морозов поднял чайную бирку пинцетом.

- На бирке есть пятно. Похоже, не вода. Чай, слюна, может, пальцы. Отдам Рите. Она будет ругаться, что мы принесли ей чай вместо тела, но сделает.

- Рита уже едет к Ракитину, - сказал Суханов. - По адресу вызвали участкового. Дверь закрыта изнутри. Соседка говорит, ночью был шум на лестнице. Потом тихо. Потом утром какая-то женщина спрашивала, не живёт ли тут «Лев Сергеевич, который пишет про детей». Соседка послала её, потому что у неё давление и настроение.

- Женщина какая?

- Серая. Это цитата. В нашем деле все женщины, которых надо запомнить, почему-то серые, среднего роста и «обычные». Камера в подъезде, естественно, не работает.

Морозов устало поднял палец.

- Камера не работает - это ещё не естественно. Это культурная традиция.

Телефон Суханова завибрировал. Он посмотрел на экран,

ответил без приветствия, слушал недолго.

- Понял. Не входить до нас. Да, Риту всё равно пустите, если хотите жить.

Он отключился.

- Дверь вскрыли. Ракитин мёртв.

В кухне стало не тише, а плотнее. Смерть Ракитина была написана на листе ещё до звонка, но пока её не произнесли вслух, оставалась возможность, глупая и профессионально неправильная, что текст всего лишь давит. Теперь текст получил тело.

- Как? - спросила Надя.

- Падение на лестнице. Между вторым и третьим. Следы крови на ступенях, голова, шея. На первый взгляд - споткнулся, ударился. На второй Рита пока не смотрела. Она уже сказала, что первый взгляд у нас в стране слишком часто получает должность эксперта.

- Алкоголь?

- Соседка говорит, пил. Все говорят, пил. Значит, будут радостно объяснять лестницу алкоголем.

Надя посмотрела на лист.

«Сегодня в 14:30 она узнает, что Ракитин не упал сам».

Сейчас было 11:17.

- Мы узнали раньше, - сказала она.

Суханов понял сразу.

- И что?

- Если текст ставил 14:30, значит, к этому времени они

ожидали официального или контролируемого канала. Либо кто-то должен был сообщить мне позже. Курьер пришёл раньше или я открыла раньше?

Морозов проверил наклейку.

- Доставка была с временным окном с девяти до пятнадцати. Курьер выбрал первый маршрут, потому что, цитирую приложение, «меньше пробок и клиент рядом». То есть сценарий допускает разброс.

- Но реакция уже пошла, - сказал Суханов. - Мы едем.

Надя взяла куртку со спинки стула.

- Я с вами.

- Я не спорю.

Вот это насторожило сильнее любого запрета. Суханов не спорил только тогда, когда уже решил, что запрет не работает и лучше держать её в поле зрения.

- Паша где? - спросила она.

- На Черняховского. С Ракитиной коллегой. Не в квартире.

- У него фамилия уже в их профиле.

- У всех уже фамилии в их профиле.

- У него хуже. Он остаточная привязка.

Суханов резко повернул голову.

- Хватит.

Слово ударило по кухне сухо. Морозов даже перестал укладывать пакет.

- Я знаю, что он не держатель, - сказал Суханов тише, но

тяжелее. - Он сам это сказал. Ты сказала. Все сказали. Но если ты будешь каждый раз использовать старую формулу, чтобы оттолкнуть живого человека, система экономит силы. Ты сделаешь половину работы за неё.

Надя хотела ответить. Резко. Грязно. Так, чтобы он замолчал. Сказать про конвойного, про его старую доставку, про то, что он тоже не имеет права читать ей мораль из роли, которую сам еле вырвал из себя с мясом. И именно потому, что слова пришли так легко, она их не сказала.

Суханов это увидел.

- Вот, - сказал он. - Начинаешь понимать, какая пакость - быть прочитанным.

- Не льсти себе. Ты просто старый и предсказуемый.

- Зато живой.

Морозов тихо кашлянул.

- Я рад, что семейная терапия с элементами служебного самоуничтожения идёт успешно, но у нас покойник на лестнице и чайная бирка в пакете. Может, поедем радовать Риту?

Они вышли из квартиры через пять минут. Надя заперла оба замка, проверила дверь, потом поймала себя на том, что проверила её ровно два раза. Текст мог знать и это. Тогда пусть знает. Не все знания полезны, если человек начинает делать их не из страха, а назло.

Во дворе было мокро. Машина Суханова стояла у подъезда, дворники лениво двигались по стеклу. Надя села на заднее сиденье, Морозов рядом, Суханов за руль. Раньше он не

любил сам вести, когда дело было горячим: надо было звонить, ругаться, слушать, принимать решения. Теперь, видимо, ему хотелось хотя бы за руль держаться самому. Тоже реакция. Тоже профиль.

На Черняховского ехали молча. Город был дневной, но недобрый: грузовики у Лиговского, мокрые фасады, люди под капюшонами, реклама быстрых займов, аптека с ярким зелёным крестом, у которой курил мужчина в медицинской маске. Всё выглядело не как фон, а как набор возможных условий. Сломанный вход. Лестница. Камера. Соседка. Привычка человека пить. Чужой текст не обязательно толкал рукой. Иногда он просто расставлял предметы так, чтобы человек сам сделал шаг.

У дома Ракитина уже стояли две машины, скорая без мигалок, участковый в мокрой форме и Паша. Он стоял не у подъезда, а чуть в стороне, рядом с женщиной лет тридцати пяти в чёрном пальто и вязаной шапке. Женщина курила так, будто сигарета была не вредной привычкой, а временной заменой крика. Паша увидел Надю, не двинулся к ней сразу. Только кивнул.

Правильно. Неправильно. Живо.

Надя вышла из машины.

- Это Анна Седова, - сказал Паша, когда они подошли. - Работала с Ракитиным. Она получила от него письмо ночью.

Седова бросила сигарету в лужу, не затушив, и посмотрела на Надю.

- Вы Климова?

- Да.

- Он говорил, если с ним что-то случится, искать вас. Я сказала, что звучит пафосно и плохо для материала. Он сказал, что материал уже плохой, зато люди настоящие.

- Что в письме?

Седова достала телефон, но не протянула. Умная. Или напуганная правильно.

- Там не письмо. Фото. Страница. Он написал: «Аня, если утром буду выглядеть как пьяная лестница, покажи это Климовой». Я не поняла. Потом он не ответил. Потом Паша...

Она споткнулась на имени, как человек, который не знает, имеет ли право на фамильярность в чужой беде.

- Покажите экран, не пересылайте, - сказала Надя.

На фотографии был лист бумаги, снятый на столе. Текст похожий по верстке, но не тот. Вверху: «Ракитин Л. С. Читательская пометка». Ниже блоки.

«Алкогольный фон: использовать как шум.

Профессиональная обида: активна.

Реакция на отказ публикации: повторный вход в источник.

Вероятность возвращения за папкой после полуночи: высокая.

Страх: низкий.

Вина перед “невывезенными детьми”: высокая.

Спусковая фраза: “ты всё равно опять не доведёшь”».

Надя дочитала до конца и почувствовала, как холод входит уже не под кожу, а в работу. Текст не предсказал падение. Текст описал способ заставить человека прийти туда, где лестница, темнота, алкоголь в крови и камера не работает. Способ сделать его смерть объяснимой раньше, чем она случится.

Внизу страницы стояла маленькая пометка: «Ред. В. К.»

Седова смотрела на неё жадно, с надеждой человека, который ещё не знает, что надежда тоже может быть материалом.

- Это кто?

Надя не ответила. Паша смотрел на пометку, Морозов уже фотографировал экран, Суханов звонил Рите и говорил: «Мы вошли», хотя они ещё стояли на улице.

Из подъезда донёсся голос Риты:

- Климова! Если ты там решила читать литературу, тащи свою задницу сюда. У меня тут покойник с очень удобной лестницей.

Надя подняла глаза на тёмный проём подъезда. Ступени внутри были старые, каменные, с выбитыми краями. По ним Ракитин шёл, возможно, сам. Сам повернул ключ. Сам вернулся за папкой. Сам споткнулся. Сам ударился.

Чужой текст любил слово «сам» почти так же, как система любила слово «добровольно».

Глава 3. Лестница

Лестница в доме Ракитина была из тех, на которых человек может умереть без помощи большой преступной фантазии. Каменные ступени, стёртые по центру, деревянные перила, давно покрытые тёмным лаком и чужим жиром, тусклая лампа между вторым и третьим этажом, провода в пластиковом коробе, один участок которого отошёл от стены. Пахло кошками, сырой штукатуркой, старым табаком и сладковатой жидкостью для мытья подъездов, которой дворники пытались победить не грязь, а ответственность за неё.

Ракитин лежал уже не на ступенях. Тело перенесли на площадку, оставив контур, следы, пронумерованные метки и две тёмные полосы крови у края третьей ступени сверху. Рита стояла над ним в перчатках и с таким лицом, будто лестница лично подала ей плохое объяснение. Участковый держался у стены, рядом с ним мялся мужчина из управляющей компании, маленький, нервный, в куртке с логотипом, который всё время хотел сказать, что дом старый, лампы меняют, жильцы жалуются редко, а вообще он сегодня не дежурный. Суханов одним взглядом объяснил ему, что лучше молчать, пока можно.

- Ну что, литераторы, - сказала Рита, не поднимая головы.
- Первый слой: мужик выпил, спустился, наверхнулся, ударился затылком и шеей, умер красиво для статистики и мерз-

ко для меня. Второй слой: у мужика есть ушибы, которые для лестницы слишком разговорчивые. Третий слой я ещё не смотрела, потому что вы топчетесь у меня в подъезде как комиссия по ремонту совести.

- Давность? - спросил Суханов.

- Ночь. Точнее после осмотра. Температура в подъезде гуляет, дверь на улицу не закрывается, тело успело остыть не по учебнику, а как всегда в реальности, где учебник вежливо пошёл на хер.

Паша стоял на полступени ниже Нади и держал папку Седовой в прозрачном пакете. Он не касался Нади, не загоразивал её, не становился рядом слишком явно. После книги с якорями даже расстояние между людьми стало формой речи, и он, похоже, это понял. Плохо было то, что Надя тоже поняла.

- Что не так с ушибами? - спросила она.

Рита показала на левую руку Ракитина.

- Вот это. Плечо и предплечье. Похоже на хват или удар о перила до падения, но направление не дружит с версией «сам летел мордой вниз». На запястье свежая ссадина, как от края бумаги или папки, которую вырывали. Под ногтями не только подъездная грязь, есть волокна картона. И ещё запах.

- Алкоголь?

- Алкоголь есть. Не изо рта, а из легенды. Пил, да. Сколько - кровь скажет. Но он не был настолько в говно, чтобы лестница сама получила орден за убийство. И на затылке у него

удар основной, но перед этим есть короткая травма сбоку. Человек мог потерять равновесие после толчка, удара или попытки удержать папку. Удобная случайность обычно любит подготовку.

Морозов присел возле стены, где пластиковый короб отходил от штукатурки.

- Камера у двери была?

Участковый ответил слишком быстро:

- Не работала.

- Я не с вами разговаривал. С камерой.

Он снял крышку короба и замолчал. Это у Морозова было хуже мата.

- Что? - спросил Суханов.

- Питание есть. Камеры нет. Её сняли, но оставили корпус-муляж у входа, чтобы жильцы успокаивались эстетически. Кабель ведёт в щиток, в щитке висит старый регистратор, который не пишет, зато прекрасно создаёт видимость. Кто обслуживал?

Мужчина из управляющей компании начал бормотать про подрядчика. Морозов поднял палец.

- Не надо. Вы сейчас скажете название, которое будет существовать, иметь директора, сайт, договор и полтора человека в штате, один из которых уже умер или на больничном. Я хочу документ. Потом буду разочаровываться по порядку.

Суханов отвёл участкового к окну. Паша остался рядом с Надей.

- Седова говорит, у Ракитина была папка, - тихо сказал он. - Бумажная. Он не доверял облакам после первого слива. Держал копии у себя, часть в ячейке, часть у неё, но последнюю папку не отдал. Сказал, там «не дети, а те, кто научился читать детей».

- Где папка?

- В квартире нет. Седова уверена, что он вернулся за ней ночью. Последнее её сообщение ему в 00:48: «Лев, не ходи один, ты опять делаешь из себя героя дешёвого расследования». Он ответил: «Дешёвые расследования хотя бы иногда печатают». Потом через десять минут ещё одно: «Если я не заберу, они заберут первыми».

- Кто они?

- Не написал.

Надя посмотрела на лестницу. Ракитин мог получить спусковую фразу, про которую было в читательской пометке. «Ты всё равно опять не доведёшь». Для человека с профессиональной обидой, виной и алкоголем это могло быть достаточно. Не приказ. Не угроза. Просто точный укол в место, где кожа давно не заживала.

Вот что было страшно. Читатель не ломал дверь. Он знал, где человек сам откроет.

- Письмо Седовой откуда пришло?

- С его почты. С задержкой отправки, вероятно. Морозов смотрит.

- Ракитин мог сам поставить задержку?

- Мог.

- Или ему дали текст так, чтобы он решил успеть раньше.

Паша посмотрел на неё.

- Он хотел доказать, что его снова не списали.

- Все хотят, когда их уже списали.

Он хотел что-то сказать, но остановился. Хорошо. Молчание иногда было не пустотой, а единственным способом не дать чужому тексту новый материал.

Квартира Ракитина оказалась на третьем этаже, дверь напротив площадки, где он, судя по крови, успел удариться до падения. Замок был цел, ключ найден в кармане. Внутри - одна комната в коммунальной квартире, кухня с двумя рабочими конфорками, соседская посуда, подоконник с окурками в банке, коридор, где старые пальто висели как повешенные доказательства чужой бедности. Комната Ракитина была тесной, но не хаотичной. Стол у окна, ноутбук, стопки распечаток, книжная полка, матрас на низком основании, чайник, две кружки, диктофон, коробка с батарейками, несколько дешёвых блокнотов, старый принтер. На стене - карта города с отметками: Сестрорецк, Парнас, Московское шоссе, Красного Курсанта, Обводный, Зеленогорск, бывшие детские учреждения, частные центры сопровождения, склады, архивы.

На карте тонкой красной линией были соединены места, где серия Нади уже успела побывать, хотя Ракитин не должен был знать всё. Некоторые точки были подписаны толь-

ко инициалами: А. К., В. О., Д. К., НК, М. К., Л. П. У Нади неприятно похолодело под ребрами. Ракитин не просто писал про фонд. Он пытался собрать их дела в одну фигуру.

Седова стояла в дверях комнаты и не входила, пока Рита не разрешила. В руках она держала телефон и пачку сигарет, но уже не курила. Лицо стало серым, не от страха даже, а от понимания, что коллега, которого она вчера называла параноиком, сегодня лежал этажом ниже в правильном положении для статистики.

- Он говорил про вас, - сказала она Наде. - Не часто. Боялся, что если выйдет на вас напрямую, вас используют против него или его против вас. Я думала, драматизирует.

- Он пил?

Седова резко подняла глаза.

- Да. И что?

- Ничего. Мне нужен ответ, не защита.

- Пил. Последние полгода больше. После того материала, который не вышел. Но когда работал, держался. Он мог быть мерзким, липким, обиженным, мог ночью звонить и орать, что все продались, мог исчезнуть на три дня. Но документы он не выдумывал. Никогда.

Надя приняла эту злость. Она была полезнее красивой памяти.

- Что за материал?

- «Дети обратного доступа». Название моё. Лев его ненавидел. Там было про фонды, которые сопровождали детей

после закрытых программ, но по факту собирали поведенческие профили семей, опекунов, воспитанников, врачей, учителей. Сначала социальная адаптация, потом риск-модели, потом непонятные внешние эксперты, потом люди начинали принимать странно удобные решения. Отказаться от заявления. Не идти в суд. Подписать согласие. Уехать. Вернуться. Лев говорил, что это не слежка. Это редакция жизни.

Надя посмотрела на стол.

- Где последняя папка лежала?

Седова показала на нижний ящик. Он был открыт. Не взломан. Открыт ключом или руками человека, который знал, что ящик не запирается до конца. Внутри остались резинки, пустые файлы, один смятый лист и след прямоугольника на пыли.

Рита присела, посмотрела, но руками не тронула.

- Папку забрали после или до падения?

- До, скорее, - сказала Надя. - Он держал её, когда вышел. У него на руке следы. На лестнице её вырывали или он удерживал. Потом папка ушла.

- А он остался, - сказала Седова.

Никто не ответил.

Морозов уже сидел за ноутбуком, не подключая его к сети, только сняв быстрый образ с накопителя. Старый принтер стоял рядом, и Морозов почему-то смотрел на него с большим интересом, чем на компьютер.

- Принтер умнее хозяина? - спросил Суханов.

- Принтер всегда тупее хозяина, но иногда честнее. В очереди печати хвосты. Последний документ отправлен в 00:37, не распечатан до конца. Бумага закончилась. Лист застрял внутри.

Он открыл крышку. Внутри действительно торчал край листа. Рита выругалась, потому что все сразу потянулись глазами. Морозов зафиксировал положение, снял крышку, аккуратно вытащил бумагу пинцетом и положил на чистый файл. Печать была бледной, строки обрывались на середине страницы.

«Сессия Л. Р. завершена частично.

Реакция на провокацию: подтверждена.

Фраза “ты всё равно опять не доведёшь” сработала быстрее денежного давления.

Папка изъята.

Смертельный исход допустим как бытовое последствие, не как цель первого уровня.

Климова будет читать не смерть, а механизм».

Ниже текст обрывался. На последней напечатанной строке было только:

«Для Климовой подготовить...»

Бумага закончилась.

- Подготовить что? - спросил Паша.

Морозов проверил память принтера.

- Есть остаток в буфере. Сниму. Не сейчас, тут безковыряния не вытащить. Если полезу руками, Рита потом вскры-

ет меня без очереди.

- Уже записала, - сказала Рита.

Седова стояла белая.

- То есть его не хотели убить?

Надя посмотрела на неё.

- Это не делает его живым.

- Но если не хотели...

- Так удобнее. Когда человек умирает как побочный результат правильно расставленных условий, никто не чувствует себя убийцей. Даже тот, кто расставлял.

Седова отвернулась к окну. Во дворе под дождём женщина ругалась с водителем фургона, кто-то нёс пакеты, мальчик в красной шапке прыгал через лужу. Жизнь не знала, что этажом выше читали человека до падения. Или знала и давно привыкла.

Паша подошёл к карте. Не к Наде. К карте. Это тоже было правильно и почти больно.

- Здесь есть точка, которой не было в наших материалах, - сказал он. - Зеленогорск, пансионат «Береговой». Рядом пометка «В.К. - очная редактура».

Суханов подошёл ближе.

- В. К. как на листе?

- Возможно.

Надя посмотрела на пометки Ракитина. В.К. могло быть чем угодно: инициалы, внутренний код, старый пользователь, чужая подпись. Но теперь это начинало складываться в

лицо, пока ещё без лица. Человек текста. Человек, который не писал угроз, а правил чужие причины.

Морозов тем временем открыл на экране список файлов Ракитина. Там были папки с названиями «Родник», «опека», «читатели», «Корс», «дети_возврат», «Климова_не_трогать». Он остановился на последней.

- Вот это мне нравится меньше всего.

- Почему? - спросил Суханов.

- Потому что файл создан самим Ракитиным, а внутри пароль. Подсказка: «то, что она скажет, если её попытаются дописать». Лев Сергеевич был не только пьяной лестницей, но и любителем драматичных загадок. Ненавижу посмертные квесты.

Надя подошла к экрану. Подсказка висела в маленьком окне, без жалости, без контекста. «То, что она скажет, если её попытаются дописать».

Паша смотрел на неё. Суханов тоже. Рита, Седова, Морозов. Слишком много людей. Слишком много ожидания. Чужой текст снова пытался поставить её в нужную точку, где она должна произнести правильную фразу, подтвердить свою роль, стать ключом не потому, что её заставили, а потому что все теперь нуждались в ответе.

Надя почувствовала раздражение. Не большое. Не красивое. Бытовое, почти смешное. Усталая злость человека, которому уже четвертую книгу подряд подсовывают дверь и говорят: открой собой.

- Нет, - сказала она.

Морозов поднял глаза.

- Это пароль?

- Это ответ.

- Разница?

- Сейчас будет.

Она взяла листок со стола Ракитина, тот самый смятый, оставшийся в ящике, и перевернула его. На обороте были карандашные строки, не распечатка, а рука. Неровный почерк Ракитина, торопливый, с нажимом. Возможно, последняя нормальная вещь в комнате.

«Если Климова пришла, не заставляйте её говорить пароль. Они ждут, что она захочет доказать, что живая, через точную фразу. Не надо. Пароль у Анны. Я ей сказал в голосовом, когда был ещё не совсем идиот».

Седова резко подняла голову.

- У меня?

- Голосовое, - сказал Паша. - Ночью?

Она открыла телефон сама, но на этот раз не стала показывать экран, а включила динамик и положила аппарат на стол. Голос Ракитина был хриплый, раздражённый, с усталой насмешкой человека, который уже боится, но ещё не хочет давать страху красивое имя.

«Аня, если эта дура Климова всё-таки придёт и все будут ждать от неё героической фразы, скажи Морозову пароль: не читатель решает. Без пробелов, маленькими. И не давай ей

произносить это вслух. Они, может, и правда слушают всё, что звучит красиво».

В комнате никто не улыбнулся, хотя почти можно было. Морозов ввёл пароль молча.

Файл открылся.

Внутри было не досье, не таблица и не готовая статья. Только скан страницы из закрытой сессии. Вверху стояло: «Внешний доступ. Читательский архив. Уровень 1».

Ниже - список объектов.

«Климова Н. А. - серия активна.

Лазарев П. И. - якорь разомкнут, остаточная привязка сохраняется.

Суханов А. И. - конвойный повреждён, пригоден как свидетель вины.

Корнеева Р. В. - медицинский фильтр, высокая устойчивость.

Морозов Д. О. - цифровой шум, требует подавления через личный риск.

Ракитин Л. С. - вспомогательный источник, эмоциональная провокация достаточна».

Надя читала строку за строкой и не чувствовала ничего. Это было плохо. Когда внутри становилось совсем сухо, значит, реакция ушла глубже, туда, где потом её приходилось вынимать уже не словами.

Ниже шли комментарии читателей. Не пользователей. Не операторов. Именно читателей.

«Климову нельзя ломать страхом. Работает вина и необходимость исправить старую ошибку».

«Лазарев после размыкания нестабилен, но эмоционально пригоден. Не использовать прямое удержание. Провоцировать выбор».

«Суханов сохранит протокол даже против себя. Использовать как источник подтверждённой вины».

«Романыч не покупает мягкий язык. Давить через тело».

«Морозов реагирует на угрозу людям быстрее, чем на угрозу данным. Подходит для отвлечения».

Последняя строка была выделена серым, как редакторская пометка:

«Климова прочитает это и решит, что главный риск - быть описанной неверно. Ошибка объекта: её описали достаточно верно».

Паша тихо выдохнул. Не сказал ничего. Просто выдохнул. Надя услышала и не посмотрела на него.

Суханов сказал:

- Морозов, копии. Рита, тело под полный. Паша, Седову выводим под защиту. Климова...

- Не командуй.

Он замолчал. Не потому, что подчинился, а потому, что понял: команда сейчас была бы слишком удобна для текста.

На столе Седовой телефон Ракитина вдруг завибрировал. Все посмотрели одновременно. Аппарат был в прозрачном пакете, выключенный, без сим-карты. Вибрировал не он.

Звук шёл из старого диктофона на полке.

Морозов поднял его пинцетом, включил воспроизведение. Сначала шум. Потом женский голос, ровный, спокойный, почти мягкий. Не синтетический. Живой.

- Лев Сергеевич, вы опять пытаетесь оставить героическую записку. Это портит текст. Хороший источник должен исчезать незаметно.

Пауза. Ракитин, хрипло:

- Корсакова, вы больная.

Женщина коротко усмехнулась.

- Нет. Я редактор.

Запись оборвалась.

Надя закрыла глаза на одну секунду. Имя наконец получило воздух.

Корсакова.

На карте Ракитина точка у Зеленогорска казалась теперь не отметкой, а открытой дверью. За окном снова шёл дождь, лестница внизу сохла медленно, Ракитин больше ничего не мог довести, а чужой читательский архив уже лежал перед ними, аккуратный, холодный, почти вежливый.

Надя открыла глаза.

- Теперь читаем мы.

Глава 4. Не читатель решает

Имя Корсаковой не стало ответом. Ответы вообще редко входили в комнату так красиво, чтобы все сразу поняли, куда бежать и кого брать. Чаще появлялась фамилия, запах мокрой лестницы, чужой диктофон, мёртвый человек на площадке и файл с перечнем живых людей, разложенных по функциям. Потом начиналась работа. Не героическая, не кинематографическая, не та, где у следователя вдруг темнеет взгляд и он всё понимает. Нормальная, грязная, с описью, понятыми, пакетами, подписью под каждой мелочью, ошибками в фамилиях и людьми, которые уже через десять минут после смерти Ракитина начали говорить «ну он же пил» так, будто алкоголь был не обстоятельством, а готовым судебным решением.

Рита поднялась с корточек возле тела и сняла перчатки движением человека, который не устал, а просто накопил столько злости, что теперь мог ею освещать подъезд вместо лампы.

- Первично, - сказала она, глядя не на Суханова, а на лестницу, - падение есть. Удар о ступени есть. Смерть от травмы головы и шеи вероятна. Теперь плохая новость для всех любителей простой бытовухи: падение не начало, а финал. До него с ним поработали.

Седова стояла у стены, держа себя за локоть. Она не пла-

кала. Надя уже видела таких людей: пока смысл не дошёл до тела, слёзы не включались, а вместо них человек становился жёстким, почти хамским, готовым спорить с каждым словом, потому что если начать верить, придётся осесть на пол вместе со всем, что ещё держится.

- Что значит «поработали»? - спросила она.

Рита посмотрела на неё наконец.

- Значит, его не просто нашла лестница и решила познакомиться. Есть следы удержания, короткого удара сбоку, возможно, рывка за одежду или папку. На руках - свежие царапины, под ногтями волокна и крошка, которую лестница сама ему не выдала. Плюс он был достаточно трезв, чтобы сопротивляться, и достаточно уставший, чтобы не выиграть. Кровь скажет точнее, если кровь сегодня в настроении.

- Он не был героем, - сказала Седова. - Он мог испугаться.

- И хорошо, - ответила Рита. - Герои у меня на столе выглядят так же, только родственники потом хуже слушают.

Паша не вмешивался. Он стоял у карты, снятой со стены Ракитина и уже уложенной в широкий пакет, и смотрел на список точек, как на чужую нервную систему. После строки в читательском архиве про «остаточную привязку» он стал тише не потому, что испугался. Скорее наоборот: испугался правильно и перестал тратить движения. Надя краем зрения видела, как он держит ручку, как не смотрит на неё слишком часто, как отводит взгляд ровно за секунду до того, как его можно было бы назвать заботой. Всё это было теперь не

просто человеческим поведением, а уликой, которую кто-то уже мог уметь читать.

Морозов тем временем забрал принтер. Не целиком, хотя по лицу было видно, что он хотел унести его на руках, как добычу из логова врага, а аккуратно, через опись, со всеми проводами, с зафиксированным застрявшим листом, с буфером печати и руганью на тему того, что человечество изобрело устройство, которое одновременно печатает, жуёт бумагу, хранит следы преступления и презирает пользователя.

- Буфер снял частично, - сказал он, когда Суханов вернулся с площадки после разговора с участковым. - Продолжение строки есть. «Для Климовой подготовить не угрозу. Среду». После этого мусор, повреждённый фрагмент и кусок таблицы.

Надя посмотрела на него.

- Среду.

- Да. Не «объект», не «документ», не «сообщение». Среду. Очень приятно, когда тебя пытаются убить не ножом, а городским планированием.

- Ракитина они тоже убили средой, - сказал Паша.

Суханов повернулся к нему.

- Не спеши с глаголом.

- Хорошо. Расставили условия, в которых он сделал предсказуемое движение, а потом это движение закончилось смертью.

- Вот так хуже, - сказала Рита. - Зато точнее.

Надя подошла к окну. Двор был мокрый, закрытый, с переполненным мусорным баком и старой «Газелью», которая загромождала половину проезда. Если Ракитин ночью выходил с папкой, его могли видеть двое соседей, камера, которой не было, водитель, которого не найдут, и женщина в сером, которую все опишут как «обычную». Обычность вообще была идеальной маской. В Петербурге серых женщин среднего роста хватило бы на отдельную перепись населения.

- Седова, - сказала Надя, не оборачиваясь. - Ракитин говорил вам про Корсакову раньше?

Анна Седова несколько секунд молчала. Потом достала сигарету, вспомнила, что курить нельзя, сломала её пополам и положила в карман.

- Фамилию - нет. Он говорил «редактор». Я думала, это его очередная метафора, потому что он всё время орал, что материал правят не редакторы, а люди, которые боятся слов. Потом он сказал: «Есть женщина, которая не заставляет человека врать. Она добивается, чтобы человек выбрал нужную правду». Я сказала, что это звучит как дешёвый психологический триллер. Он сказал: «Аня, у нас вся страна дешёвый психологический триллер, только с плохой юридической частью». Я послала его спать.

- Когда это было?

- Неделю назад. После того, как он ездил в Зеленогорск.

Паша поднял голову.

- В «Береговой»?

- Он не назвал место. Сказал, бывший пансионат, сосны, всё пахнет мокрой ватой и детским страхом. Я спросила, он опять пил или это художественный образ. Он ответил, что лучше бы пил.

Суханов записал коротко. Морозов присел возле Ракитинового ноутбука, который уже был скопирован, но не вскрыт глубоко. Экран светил тускло, в комнате пахло пылью, старой одеждой, горячим пластиком принтера и лестничной кровью, которая до сих пор тянулась снизу слабым железным запахом.

- Есть папка «Береговой», - сказал Морозов. - Пароль не нужен. Значит, либо неважно, либо ловушка. Открываю копию, не оригинал. Все, кто верит в бытовую магию, крестятся про себя и не мешают.

Папка открылась. Внутри были сканы старых журналов, фотографии коридоров, несколько аудиофайлов и таблица с сухим названием: «сеансы_чтения_дети_семьи_адаптация». Седова тихо выругалась. Не громко, без ярости даже, скорее от профессионального узнавания: вот он, материал, за который Ракитин снова пошёл ночью один, потому что больше никому не верил до конца.

На первом скане был лист с заголовком: «Программа семейной устойчивости. Методическая оценка реакции на рассказ о себе». Ниже - поля: имя ребёнка, сопровождающий взрослый, исходная версия биографии, корректирующий текст, реакция, устойчивость, повторное предъявление.

Всё выглядело почти педагогически, почти заботливо, почти как та бумага, которую уставший чиновник подпишет, потому что название не пахнет насилием.

Надя читала медленно. У неё внутри поднималось не удивление, а то же сухое раздражение, которое пришло утром, когда чужой текст описал её кружку. Всё это было не новым злом. Это было старое зло, которое научилось писать методички.

- Они читали детям тексты о них самих, - сказала она. - Смотрели, какую версию ребёнок принимает быстрее. Потом, видимо, давали семье эту версию как нормальную.

- Не только детям, - сказал Морозов. - Тут есть взрослые. Опекуны, сотрудники, врачи, воспитатели. Столбец «входная вина». Столбец «устойчивость к внешней правде». Господи, какие же они душные. Даже зло у нас с таблицами.

Паша подошёл ближе.

- Есть фамилии?

- Часть закрыта кодами. Часть открыта. Ракитин, видимо, не успел почистить. Или специально не стал. Смотрите.

На экране появился фрагмент таблицы. Строки шли вниз, одинаковые, аккуратные, с датами десяти-двенадцатилетней давности. Среди фамилий Надя увидела несколько уже знакомых по «Север-2», одну фамилию из старых материалов Марии Климовой, потом «Грачёва С. И. - специалист опеки, сопротивление через должностной страх», потом «Лазарев П. И. - сопровождаемый контакт, якорный потенциал требу-

ет наблюдения».

Паша не сказал ничего. Даже не вдохнул громче. Только лицо стало совсем неподвижным, как у человека, который заранее решил не дать своему телу стать доказательством.

Суханов увидел строку одновременно с Надей.

- Паша.

- Я читаю.

- Отойди.

- Нет.

Слово прозвучало ровно. Без вызова, без подростковой злости, без просьбы. Просто нет. Суханов сжал челюсть, но не стал давить. Он уже один раз видел, как система пыталась сделать из Паши держателя, и теперь любой приказ «отойди» звучал грязнее, чем должен был.

Надя смотрела на строку с его фамилией и заставляла себя не смотреть на него. «Сопровождаемый контакт». Не ребёнок, не объект, не пациент. Сопровождаемый контакт. Слова были слишком вежливые, чтобы не быть мерзкими. Паша в их серии давно перестал быть случайным следователем, но одно дело понимать это по событиям, другое - видеть себя в таблице, где чужая рука уже решила, к чему ты пригоден.

- Это не сейчас, - сказал он.

- Это именно сейчас, - ответила Надя. - Просто не здесь.

Он всё-таки посмотрел на неё. Взгляд был короткий, тяжёлый, без просьбы о помощи. И это спасло их обоих. Просьба дала бы читателям готовую сцену. Отсутствие просьбы

оставляло хотя бы немного воздуха.

Морозов прокрутил ниже.

- Грачёва С. И. - это у нас кто?

- Опека, - сказала Седова. - Светлана Игоревна Грачёва.

Она была в Ракитином материале. Подписывала несколько отказов, потом пыталась дать ему документы. Потом передумала. Потом снова передумала. Лев говорил, её не надо ломать, она уже сломана, просто держится на должности и взрослом сыне. Я думала, он драматизирует.

Телефон Седовой загорелся на столе. Она посмотрела и сразу побледнела. Надя подняла руку.

- Не открывайте.

- Это от неё.

- От Грачёвой?

Седова кивнула. Положила аппарат экраном вверх. На экране висело уведомление почты. Тема: «Отзыв заявления». Отправитель - служебный адрес Светланы Грачёвой.

Суханов выругался коротко.

- Время?

- Сейчас, - сказала Седова. - Только что.

Морозов снял экран, потом кивнул.

- Открываем в изоляции. Если там опять литературный кружок, я ухожу в сантехники.

Письмо было коротким и ужасным именно своей нормальностью.

«Анна, прошу считать все ранее переданные сведения

ошибочными. Я находилась в состоянии профессионального истощения и неверно интерпретировала рабочие документы. Прошу не использовать мои слова в публикациях, заявлениях и иных действиях. Дополнительные разъяснения давать не буду. С. И. Грачёва».

Ниже лежал скан заявления с подписью.

Паша сказал:

- Она жива?

- Пока узнаем, - ответил Суханов. - Адрес есть?

Седова кивнула, но смотрела не на него, а на экран. Её губы дрожали не от горя по Ракитину даже, а от знакомой профессиональной ненависти: человек отказывается от правды ровно тогда, когда правда наконец нужна.

Надя перечитала письмо. «Профессиональное истощение». «Неверно интерпретировала». «Дополнительные разъяснения давать не буду». Голос не Грачёвой даже, а системы, которая дала человеку безопасный способ исчезнуть из собственных слов.

- Не факт, что она сама написала, - сказал Паша.

- Факт, что письмо должно заставить нас бежать к ней, - ответила Надя.

- Побежим?

Она посмотрела на таблицу, где Паша был «якорным потенциалом», Морозов - «цифровым шумом», Рита - «медицинским фильтром», а она сама - активной серией. Потом на Ракитина, которого уже увозили в мешке, и на Седову, кото-

рая осталась с телефоном в руке и бумажной папкой чужой смерти на столе.

- Поедем, - сказала Надя. - Бегают пусть те, кто пишет нам сценарий.

Морозов закрыл копию файла и начал паковать ноутбук. Рита снова наклонилась к лестнице, будто хотела запомнить каждую ступень по именам. Суханов ушёл звонить своим. Паша стоял у карты и всё ещё не отходил от строки с собственной фамилией.

Надя подошла к нему только на расстояние голоса.

- Не читай это как приговор.

Он усмехнулся. Очень коротко.

- Вы сейчас себе тоже это сказали?

Она не ответила. Потому что да.

На экране Седовой мигнуло ещё одно уведомление. Не письмо. Сообщение с неизвестного номера.

«Грачёва С. И. заявление отозвано. Причина: текст принят».

Надя посмотрела на эту строку и впервые за день почти почувствовала холод. Не страх. Холод точного механизма, который щёлкал где-то рядом, в стенах, в почте, в чужих руках, в лестничной клетке, где человек умер не потому, что его толкнули, а потому, что ему заранее написали, куда поставить ногу.

Глава 5. Береговой

До Зеленогорска ехали двумя машинами, хотя это казалось избыточным даже на фоне их новой рабочей паранойи. Суханов взял Пашу к себе, Морозов сел с Надей и всю дорогу делал вид, что не следит за тем, как она реагирует на это разделение. Выходило плохо. Морозов вообще был плох в деликатности, но хорош в том, чтобы своим хамством прикрывать чужие слабые места, пока те не успели стать видимыми.

- Лазарева не украли, - сказал он, когда они миновали Ушаковскую развязку и город начал расплзаться в мокрую зелень, серые заборы, автосервисы и дачные вывески.

- Я знаю.

- У вас лицо «я знаю», но руки «сейчас проверю телефон».

Надя посмотрела на свои руки. Они лежали спокойно. Значит, Морозов наглед из профилактики.

- Дмитрий Олегович, вы сегодня особенно полезны.

- Спасибо. Меня редко называют полным именем без желания ударить.

За окном сосны стояли мокрые, тёмные, с рыхлым серым светом между стволами. Финский залив изредка показывался справа грязной полосой, потом снова исчезал за домами, заборами, придорожными кафе и рекламой участков, где обещали «жизнь у воды» так, будто вода была не сыростью,

плесенью и вечным ремонтом кровли, а моральной категорией. Петербург отходил назад, но не отпускал. Он тянулся за ними служебными номерами, мокрыми документами, чужими цифровыми хвостами, голодным архивным воздухом.

Пансионат «Береговой» оказался не тем местом, которое можно было заподозрить в преступной эффектности. Два старых корпуса советского вида, облезлый забор, сосны, мокрая дорожка, будка охраны, где сидел мужчина с лицом человека, которому давно всё равно, кто тут лечился, жил, исчезал или просто арендовал зал под корпоратив. На фасаде висела новая вывеска: «Центр семейной адаптации и восстановительного отдыха “Береговой”». Буквы были синие, свежие, почти бодрые. Под ними проступал след старой надписи, выцветший и неровный: «пансионат».

- Ненавижу слово «адаптация», - сказал Морозов, выходя из машины. - После него обычно оказывается, что адаптироваться должен потерпевший, а не те, кто его сломал.

Паша уже стоял у второй машины. Лицо ровное, сухое. Он не смотрел на Надю дольше положенного, но в этой аккуратности было больше связи, чем в явной заботе. Суханов говорил с охранником. Охранник повторял, что начальство не предупреждало, доступ только по согласованию, суббота, архив закрыт, корпус частично на ремонте и вообще у них дети на программе.

На слове «дети» Суханов перестал быть просто раздражённым.

- Документы, - сказал он.

- Какие документы?

- На детей. Кто здесь, по какой программе, кто сопровождает, кто ответственный.

Охранник начал багроветь.

- Я охрана. У меня журнал въезда.

- С него и начнём.

Надя прошла мимо них к главному входу. Суханов не окликнул. Значит, видел и решил, что останавливать не надо или поздно. На крыльце пахло мокрой сосной, дешёвым дезсредством и столовой кашей. Внутри, за стеклянной дверью, был холл с пластиковыми креслами, кулером, стендом с фотографиями улыбающихся семей и расписанием занятий: «творческая мастерская», «группа доверия», «семейное чтение», «тихий час». Последнее заставило Надю остановиться.

Семейное чтение.

Не книги, видимо. Не сказки. Не разговор о том, как ребёнок понял текст. Здесь, если верить Ракитину, текст понимал ребёнка, а потом взрослые смотрели, где его можно переписать.

Из коридора вышла женщина лет пятидесяти, в бежевом кардигане, с бейджем «Матвеева О. В., администратор». Лицо у неё было привычно любезное, но глаза успели пересчитать всех: Суханов, Паша, Надя, Морозов, пакеты, папки, телефоны, служебная корка. В таких местах люди очень быстро понимали, что сегодня им нельзя отвечать «уточните у

руководства» слишком долго.

- Добрый день. У нас закрытая территория, - сказала Матвеева.

- Она не настолько закрытая, как вам хочется, - ответил Суханов, заходя следом. - Подполковник Суханов. Нам нужны сведения о пребывании здесь Льва Сергеевича Ракитина и документы по архиву программы «Родник».

Матвеева изменилась не сильно. Только рука на папке с расписанием сжалась чуть крепче.

- Журналист? Он приезжал, но официального интервью ему никто не давал. Он вел себя некорректно.

- Умер сегодня ночью, - сказал Паша.

Вот тут лицо у неё дало сбой. Не горе. Не испуг даже. Расчёт, который на секунду потерял исходные данные.

- Мне жаль.

- Это удобно, - сказала Надя.

Матвеева посмотрела на неё.

- Простите?

- «Мне жаль» подходит почти ко всему. Можно говорить, пока решаешь, что именно теперь скрывать.

Суханов бросил на Надю короткий взгляд. Не одобрительный и не запрещающий. Рабочий. Она понимала, что давит грубо. И понимала, что грубость сейчас может быть нужнее вежливости: любезные администраторы умеют поглощать вежливость, как мокрая ткань воду.

Матвеева выпрямилась.

- Я не обязана разговаривать с частными лицами.

- Со мной обязаны, - сказал Суханов. - С ней - полезно.

Она хуже меня делает выводы, если ей мешают.

Морозов тихо фыркнул.

- Редкий комплимент: «хуже меня».

Их провели в маленький кабинет на первом этаже. На стене висели сертификаты, календарь с заливом, фотография детской группы у сосен. Дети держали рисунки: дом, солнце, человечки с руками-палками. Надя подошла ближе и увидела на одном рисунке подпись: «мой новый рассказ». Не «мой дом», не «моя семья». Рассказ.

- Корсакова Вера Андреевна вам знакома? - спросила она, не оборачиваясь.

Матвеева открывала шкаф и не сразу ответила.

- У нас много внешних специалистов.

- Я спросила про одну.

- Вера Андреевна работала с программами сопровождения. Методист, редактор аналитических материалов. Она давно не в штате.

- А в тексте?

Матвеева закрыла шкаф слишком резко.

- Что?

- Неважно. Дальше сами дойдём.

Паша стоял у стола, листал журнал посещений. Суханов проверял договоры. Морозов уже сидел у старого служебного компьютера, который Матвеева пыталась назвать «нера-

бочим», но компьютер включился так быстро, что все решили не унижать его сочувствием.

- Раkitин был здесь три дня назад, - сказал Паша. - Вошёл в 11:18, вышел в 16:43. Цель визита: встреча с Матвеевой О. В. и архив по запросу. Подпись есть. Камеры?

- На территории только общий контур, - сказала Матвеева. - Внутри детей не снимаем.

- Как гуманно, - сказал Морозов. - Особенно если внутри как раз всё интересное.

Надя взяла журнал. Под строкой Раkitина была ещё одна фамилия, написанная аккуратным почерком: «Грачёва С. И.» Дата - вчера. Время входа 17:02, выхода не было.

- Грачёва была здесь вчера, - сказала Надя.

Матвеева посмотрела на журнал, потом на Суханова.

- Светлана Игоревна приезжала по личному вопросу.

- И не вышла? - спросил Паша.

- Вероятно, забыли отметить.

- Люди у вас часто забывают выйти из журнала?

Матвеева промолчала.

Морозов поднял голову от компьютера.

- Тут локальная папка «методка». Внутри красиво: «семейное чтение», «истории устойчивости», «мягкая коррекция биографической тревоги». Если бы у папок были руки, я бы уже выдал им повестку.

- Копируй, - сказал Суханов.

- Я с удовольствием, но тут кто-то решил, что удаление в

корзину - это моральное очищение. Придётся вытаскивать.

Пока Морозов работал, Матвеева стояла у окна и постепенно теряла любезность. Не сразу. Сначала исчезла улыбка, потом мягкая осанка, потом голос стал ниже.

- Вы думаете, здесь мучили детей?

Надя посмотрела на неё.

- А вы думаете, если назвать это адаптацией, дети будут меньше помнить?

- Они приходили уже травмированными. После приютов, отказов, смертей, таких семей, куда вы бы сами не вошли без участкового. Им нужна была версия, с которой можно жить.

- Чья версия?

Матвеева не ответила.

Паша положил перед ней копию строки из таблицы Раки-тина, где упоминалась программа чтения.

- Это ваше?

Матвеева посмотрела на лист и сразу постарела. Не на годы даже, а на слой защиты.

- Это старая методика. Её закрыли.

- Потому что незаконная?

- Потому что её начали понимать неправильно.

Рита, приехавшая позже и вошедшая в кабинет как санитарный контроль в человеческом облике, услышала последнюю фразу и сказала:

- Любимое. Когда людей калечат правильно, а потом кто-то невоспитанный понимает неправильно.

Матвеева вздрогнула. Риту сложно было вписать в кабинетный язык. Она пахла больницей, мокрой улицей и телом Ракитина, хотя уже сменила перчатки и куртку. В таких пространствах Рита всегда выглядела человеком, который принесёт на стол не мнение, а биологическое возражение.

- Что по Ракитину? - спросил Суханов.

- Предварительно: не сам. Но юридически это ещё нужно будет выковыривать из задницы бытовой версии. Есть след давления на руку, свежие повреждения от борьбы за предмет, в крови, скорее всего, будет алкоголь и что-то седативное в малой дозе. Не вырубить, а замедлить. Чтобы человек ошибся на лестнице и потом всем было приятно сказать «пил».

Матвеева закрыла глаза.

- Лев Сергеевич сам был нестабилен.

Рита повернулась к ней.

- Милая, если бы за каждого нестабильного человека можно было не расследовать смерть, у меня в морге было бы самообслуживание.

Суханов кашлянул, но не остановил.

Надя взяла со стены фотографию детской группы, не снимая её, просто наклонилась ближе. На заднем плане, в тени сосны, стояла женщина. Серое пальто, светлый шарф, лицо полубоком. Не резкое, но достаточно, чтобы увидеть спокойный профиль, собранные волосы, тонкую линию рта. Она не улыбалась детям. Она смотрела на них так, как редактор

смотрит на страницы, где уже видит, что нужно убрать.

- Это Корсакова? - спросила Надя.

Матвеева не посмотрела.

- Не помню.

- Врёте устало.

- Да, - сказала Матвеева вдруг. - Это она.

В комнате стало тихо. Даже Морозов перестал стучать по клавишам.

- Лучше, - сказал Суханов. - Продолжайте.

Матвеева села. Вся её кабинетная оболочка вдруг просела, и осталась женщина, которая слишком долго объясняла себе, что работает в помощи, а не в подборе удобных биографий.

- Корсакова пришла не как руководитель. Как методист. Она говорила, что детям нельзя возвращать хаос. Что у каждого должна быть история, которую он выдержит. Сначала это звучало... разумно. Ребёнку нельзя каждый раз говорить всю правду, если правда его добивает. Ему дают кусок, потом ещё. Но Вера Андреевна умела делать так, что кусок становился всем. Она говорила: «Правда - это не то, что было. Правда - то, что человек способен повторить без разрушения». Мы тогда... Мы тогда аплодировали почти. Потому что это красиво. И удобно.

Надя почувствовала тошноту. Не физическую. Смысловую. Корсакова действительно была не силовиком, не врачом, не айтишницей. Она пришла из текста, из права форму-

лизовать чужую боль так, чтобы человек сам выбирал урезанную версию своей жизни.

- Где Грачёва? - спросил Паша.

Матвеева опустила глаза.

- Она была вчера. Разговаривала с Верой Андреевной.

- Корсакова здесь? - резко спросил Суханов.

- Была. Неофициально. Я не знала, что... Она сказала, что Светлане Игоревне нужно спокойно оформить отказ от прежних слов, без давления журналиста. Что Ракитин использует её уязвимость.

- Где они разговаривали?

- Во втором корпусе. Старый читальный зал.

- У вас есть читальный зал? - спросил Морозов.

Матвеева коротко усмехнулась, почти безумно.

- Так называли комнату для семейного чтения.

Они пошли туда через двор. Дождь усилился, сосны шумели глухо, старый корпус стоял чуть в стороне, с заколоченным боковым входом и белой табличкой «Ремонт». Внутри пахло мокрой ватой, линолеумом, закрытыми комнатами и детскими вещами, которые давно убрали, но запах почему-то остался. На стенах висели выцветшие плакаты: «Я умею говорить о себе», «Моя история помогает мне расти», «Я выбираю безопасные слова». Надя остановилась перед последним.

Паша тихо сказал:

- Безопасные для кого?

Никто не ответил.

Читальный зал был небольшой комнатой с кругом стульев, старым проектором и шкафом с папками. На столе лежала одна бумага. Не спрятанная. Не забытая. Положенная так, чтобы её нашли. Суханов снял общий план, Паша включил запись, Морозов тихо выругался, потому что бумага снова была бумажной.

На листе было напечатано:

«Вы всё ещё думаете, что нашли место. Нет. Вы нашли читальный зал».

Ниже стояла дата вчерашнего дня и строка:

«Грачёва С. И. прошла коррекцию отказа. Реакция: принята. Остаточное сопротивление связано с сыном. При необходимости использовать».

На обороте листа рукой, аккуратно, почти каллиграфически, было написано:

«Надежда Александровна, вы слишком доверяете фактам. Факт - это только слово, которое успело получить свидетеля».

Подписи не было. И не нужно было.

Надя смотрела на эту фразу и впервые ясно представила Корсакову не как лицо на фотографии, а как голос. Тихий, редакторский, уверенный. Не «я сильнее вас». Хуже. «Я знаю, как вы будете звучать, когда поймёте, что проиграли».

В шкафу заскрипела полка. Все повернулись одновременно. Дверца была приоткрыта, за ней лежал старый диктофон,

включенный на воспроизведение по таймеру. Морозов поднял его пинцетом.

Женский голос прозвучал в комнате спокойно, почти ласково:

- Пожалуйста, не пугайте детей громкими словами. Они и без вас знают, что взрослые называют насилие помощью, когда устали стыдиться.

Пауза.

Потом другой голос. Женщина, задыхающаяся, но стараясь говорить ровно.

- Я отзываю заявление добровольно. Лев Сергеевич всё неправильно понял. Я больше не хочу участвовать.

Матвеева закрыла лицо рукой.

- Грачёва, - сказал Паша.

Запись щёлкнула и оборвалась.

Суханов уже звонил. Коротко, жёстко: адрес Грачёвой, ориентировка, выезд, проверить сына, проверить работу, не выпускать из поля. Но Надя слушала не его. Она смотрела на круг стульев в читальном зале и думала о детях, которым здесь давали «безопасные слова». О взрослых, которых учили отказываться от собственных свидетельств так, чтобы это выглядело добровольно. О себе, которая утром уже почти ответила тексту именно тем движением, которого от неё ждали.

На одном из детских стульев была приклеена маленькая наклейка с выцветшим солнцем.

Под солнцем кто-то шариковой ручкой нацарапал: «Я не так говорил».

Глава 6. Заявление отозвано

Грачёва жила не там, где должна была жить женщина, подписывавшая отказ от опасных слов. Так подумала Надя и тут же разозлилась на себя за эту мысль. У страха не было правильного адреса. Он одинаково хорошо жил в новых домах с консьержем, в коммуналках с вечно мокрым ковриком у двери, в панельных кухнях, в служебных кабинетах, где на стене висит грамота за добросовестный труд. Светлана Игоревна Грачёва жила на проспекте Ветеранов, в доме с облупленным подъездом, запахом кошачьего корма, дешёвого табака и лифта, который ехал так, будто каждую минуту передумывал.

Сын Грачёвой открыл дверь не сразу. Молодой мужчина лет тридцати, высокий, в домашней футболке, с лицом офисного человека, которого выдернули из рабочего созвона и поставили перед чужим кошмаром без инструкции. Он посмотрел на удостоверение Суханова, на Пашу, на Надю, потом в глубину квартиры.

- Мама на работе, - сказал он.

- Нет, - ответил Суханов. - На работе говорят, что она взяла день за свой счёт.

Мужчина побледнел не резко, а постепенно, как будто кровь не ушла, а получила распоряжение покинуть лицо по регламенту.

- Она утром ушла. Сказала, надо к врачу.

- К какому?

- Не знаю. Она взрослая. Я не спрашиваю каждый...

Он оборвал фразу, потому что услышал сам: взрослость в таких делах была удобным словом для всех, кто опаздывал.

- Когда ушла? - спросил Паша.

- Около девяти. Может, раньше. Я был в ванной. Она сказала из коридора: «Паш, я скоро». Меня Павел зовут. Потом дверь.

Надя посмотрела на Пашу Лазарева. Тот не изменился лицом, но совпадение имени всё равно легло в комнату лишней ниткой. Читатели любили такие мелочи. Не потому, что в них была магия, а потому, что человеческий мозг сам достраивал узор, даже если ему говорили: не надо.

- Телефон при ней? - спросил Морозов.

Павел Грачёв кивнул.

- Да. Но она не отвечает. Я думал, совещание.

- Она вчера была в Зеленогорске?

Он открыл рот, закрыл, снова посмотрел в квартиру.

- Она сказала, что к подруге. Я не спрашивал.

- Вы часто не спрашиваете, - сказала Надя.

Суханов повернул к ней голову. Паша тоже. Слишком резкая фраза. Надя знала. И всё равно не убрала её. Внутри после читального зала стояла та самая рабочая жестокость, которую она обычно держала на поводке: нажать, получить реакцию, потом разобраться, сколько живого сломалось под

пальцем. Грачёв сжал губы.

- Я работаю. У меня ипотека. У неё своя работа. Мы не докладываем друг другу, кто куда...

- У неё вчера отозвали заявление, связанное с делом, где сегодня умер человек. Она утром ушла и не отвечает. Может, сейчас самое время начать спрашивать.

Он вспыхнул.

- Вы кто вообще такая?

- Человек, который слишком часто видел, как родные узнают правду через формулировку «не отвечает».

- Климова, - сказал Суханов тихо.

Она услышала предупреждение и не остановилась сразу. Вот это было плохо. Потому что часть её уже понимала: текст вокруг Грачёвой мог строиться именно на этом. На том, что Надя придет, увидит сына, увидит ипотеку, взрослого мужчину, который не спросил, и ударит по самому удобному месту. По вине. По семейной небрежности. По тому, что человек ещё не знает, но уже виноват.

- У вашей матери были документы Ракитина, - сказала она. - И, возможно, документы по детям, которых она когда-то отдала в программу под видом сопровождения. Вы давно знаете, чем она подписывала чужие жизни?

Павел шагнул вперёд. Паша Лазарев сразу оказался между ними. Не грубо, не красиво, просто в нужной точке. Его рука не коснулась Грачёва, но пространство изменилось.

- Тихо, - сказал Паша.

- Она всю жизнь в опеке пахала за копейки, - сказал Грачёв. Голос сорвался. - Всю жизнь. По чужим детям, по алкашам, по бабкам, по этим вашим актам. Она меня одна тянула. Вы приходите и говорите...

- Я говорю, что её могли использовать, - сказала Надя уже тише.

- Нет, вы сказали другое.

Он был прав. И от этого стало хуже.

Суханов вошёл в квартиру без приглашения, но с тем видом, с каким люди его возраста умеют делать незаконное движение почти официальным.

- Павел Светланович, нам нужно осмотреть комнату вашей матери. Не обыск. Пока осмотр с вашего согласия. Если откажетесь, оформим дольше и грязнее. Выбирайте.

Грачёв провёл рукой по лицу.

- Идите.

Комната Грачёвой была маленькая, очень чистая, с узкой кроватью, письменным столом, шкафом и полкой, где стояли папки. Не рабочие даже, а домашние: «медицина», «Паша», «квартира», «пенсия», «мама». На столе лежали очки, коробка таблеток от давления, кружка с недопитым чаем и блокнот. Блокнот был открыт на странице, где аккуратным почерком было написано: «не говорить с Ракитиным», «не брать трубку», «не читать старое», «Паша ничего не должен знать». Последняя строка была подчёркнута дважды.

Павел стоял в дверях. После этой строки он замолчал так

резко, что стало слышно, как на кухне капает кран.

Морозов уже снял общий план, стол, блокнот, кружку, таблетки. Рита приехать не успела, но её голос в голове у всех всё равно ругался: не трогать руками, не хватать, не нюхать, не делать вид, что домашняя комната перестала быть местом происшествия только потому, что там лежат очки.

Паша Лазарев нашёл телефонный зарядный провод, подключённый к пустой розетке, и рядом - бумажный конверт без надписи.

- Это было здесь? - спросил он у Грачёва.

Тот покачал головой.

- Не знаю.

Надя подошла ближе. Конверт лежал ровно, слишком ровно, на краю стола под блокнотом. Не спрятан. Прижат, чтобы не улетел. Для них. Суханов снял, Морозов зафиксировал, Паша открыл пинцетом. Внутри было два листа.

Первый - копия заявления Грачёвой об отзыве прежних сведений. С подписью. С датой. С формулировкой про профессиональное истощение.

Второй - текст. Не официальный. Не от Грачёвой.

«Климова Н. А. прибудет с группой после осмотра “Берегового”. В квартире специалиста Грачёвой основная точка реакции - сын. Прогноз: Климова использует профессиональную жестокость для ускорения контакта. Вероятная формула давления: сын не знает, чем мать подписывала чужие жизни. После применения - кратковременное осознание

собственной управляемости. Эффект полезен. Объект должен увидеть, что его свобода тоже может быть написана заранее».

Надя прочитала один раз. Потом второй. Не потому, что не поняла. Потому что тело отказалось сразу принять точность.

Павел Грачёв тоже прочитал. Не всё, но достаточно. Он посмотрел на неё уже иначе: не как на человека, который пришёл обвинять его мать, а как на часть чужой конструкции, в которую попал и он.

- Вы это сказали, - произнёс он.

Надя молчала.

- Почти так, - сказал он.

- Да, - ответила она.

Суханов взял лист и выругался так тихо, что слово не долетело до протокола.

Паша смотрел на Надю. Не с укором. Было бы легче, если бы с укором. В его взгляде было то, что она сейчас меньше всего хотела видеть: понимание. Понимание делало грязь решения не меньше, а ближе.

- Это не значит, что вы не выбирали, - сказал он тихо.

- Значит, что выбору подстелили пол.

Морозов аккуратно положил лист в файл.

- Среда, - сказал он. - Они написали среду. И вот она.

Суханов уже звонил по больницам, моргам, отделам, операторам, по всем скучным каналам, которыми обычно ищут

человека, когда ещё есть шанс не признать его исчезнувшим. Грачёва пока была не мертва, не найдена, не задержана и не пропала официально. Она была в самой опасной зоне: между выходом из дома и строкой в системе.

На кухне у Грачёвых зазвонил стационарный телефон.

Все услышали сразу. Старый аппарат, редкий теперь, с резким трескучим звуком. Павел дёрнулся, но Паша остановил его взглядом. Морозов поставил запись, Суханов кивнул. Павел подошёл и включил громкую связь.

- Да?

Сначала шум. Потом женский голос. Светлана Грачёва. Живая. Или очень хорошо записанная. Голос был ровный, слишком ровный, как у человека, который читает не текст, а спасательный круг, выданный теми же, кто столкнул его в воду.

- Паша, я в порядке. Не ищи меня. Я сама всё решила.

Павел закрыл глаза.

- Мама, где ты?

- Не ищи. Это важно. Я не хочу, чтобы ты отвечал за мои ошибки.

Надя шагнула ближе к телефону, но не сказала ничего. Голос продолжал:

- Там люди. Они будут говорить, что меня заставили. Не верь. Я устала. Я просто хочу выйти из этого.

Паша Лазарев тихо спросил у Морозова:

- Запись?

- Идёт.

Суханов сделал жест: тянуть. Павел Грачёв понял не сразу, потом зацепился за единственное, что у него было.

- Мам, скажи, где ты. Я приеду один. Без них. Просто скажи.

В трубке появилась пауза. Короткая. Слишком человеческая для синтетики, слишком точная для обычного разговора.

- Ты всегда приезжаешь поздно, - сказала Грачёва.

Павел побледнел.

- Что?

- Ничего. Прости. Я не то...

На фоне послышался приглушённый звук. Не голос. Скорее объявление, далеко, через помещение с эхом. Морозов поднял палец. Слушать.

Голос Грачёвой стал ниже:

- Они сказали, что правда - это то, что выдержит подпись. Я подписала.

- Кто они? - спросил Суханов резко.

Пауза.

- Я не должна с вами говорить.

- Светлана Игоревна, это Суханов. Вы сейчас в опасности.

Где вы?

Она вдруг засмеялась. Не весело. Сломанно, коротко.

- В опасности я была, когда решила, что бумага может спасти ребёнка лучше, чем человек. Сейчас я просто в конце

страницы.

Связь оборвалась.

Морозов уже работал. Не ругался, и это было плохим признаком. Стационарный номер, переадресация, подменный шлюз, обрывок фонового объявления, акустика, всё, что можно было выдрать из нескольких секунд. Суханов отдал команды. Паша держал Павла Грачёва за плечо, потому что тот вдруг начал оседать, как будто кости в нём разом стали чужими.

Надя стояла у стола Грачёвой и смотрела на второй лист.

«Объект должен увидеть, что его свобода тоже может быть написана заранее».

Вот оно. Не угроза. Не шантаж. Не доказательство всемогущества. Редакторский ход. Поставить её перед собственным поступком и сказать: видите, даже ваша жестокость была не совсем вашей. Даже грязь, которую вы выбрали как рабочий инструмент, уже ждала вас в тексте.

Ей хотелось смять лист. Это тоже было бы реакцией.

Ей хотелось выйти и догнать Грачёву быстрее всех. Это тоже было бы реакцией.

Ей хотелось сказать Паше, что он неправ, что выбор, под который подстелили пол, всё равно пачкает того, кто сделал шаг. Это тоже было бы реакцией, и, возможно, самой удобной.

Она не сделала ничего из этого. Просто взяла свой блокнот, открыла чистую страницу и записала время звонка. По-

том ниже, коротко:

«Они пишут среду, не волю».

Паша подошёл через минуту. Павла Грачёва посадили на кухне, Суханов говорил с кем-то на лестнице, Морозов вытаскивал из записи фоновые шумы. В комнате Грачёвой стало тесно от людей, бумаг и молчания.

- Вы не виноваты в том, что они это предсказали, - сказал Паша.

Надя не подняла головы.

- Я виновата в том, что сказала.

- Да.

Она посмотрела на него. Вот за это, возможно, она и боялась его больше всего. Он не утешил. Не снял. Не сказал «это другое». Просто оставил вину на месте и тем самым не дал ей стать чужим инструментом целиком.

- Спасибо, - сказала она.

Он усмехнулся устало.

- Странное слово в комнате.

- Сегодня все слова странные.

С кухни донёсся голос Морозова:

- Есть фон. Похоже, вокзал или крупный пересадочный узел. Женский голос в объявлении: «платформа номер...» дальше каша. И ещё звук турникетов. Не железнодорожный вокзал, скорее метро с переходом. Локаций миллион, но есть одна радость.

- Какая? - спросил Суханов.

- В этом аду снова кто-то не выключил старый городской информатор. Я люблю людей за лень. Лень оставляет следы.

Через несколько минут он поднял голову.

- «Ленинский проспект». Почти уверен. Объявление старого выхода и фон подземного перехода. Если Грачёва звонила оттуда или запись шла там, она ещё в городе.

Суханов уже двигался к двери.

- Едем.

Павел Грачёв вскочил.

- Я с вами.

- Нет, - сказал Суханов.

- Это моя мать.

- Именно поэтому нет. Вы сейчас сделаете всё, что от вас ждут.

Надя услышала в этой фразе себя и утренний лист. «Паша не должен знать». «Сын не знает». «Использовать». Читательский текст строил не только её. Он строил всех, кто мог сорваться в правильную сторону.

Павел смотрел на Суханова с ненавистью, но остался. Паша Лазарев задержался на секунду, сказал ему тихо несколько слов, которых Надя не разобрала. Наверное, нормальные. Не обещающие. Не «мы найдём». Паша уже научился не давать живым людям тех слов, которые потом могут не выдержать ночь.

В подъезде пахло кошачьим кормом и сырой тряпкой. Лифт опять думал, ехать или нет, и они пошли пешком. На

втором этаже Надя остановилась на секунду и посмотрела на окно между пролётами. Там, на подоконнике, лежал сложенный пополам лист. Белый. Слишком белый для подъезда.

Морозов тихо сказал:

- Ну конечно.

Суханов снял общий план. Паша зафиксировал положение. Надя не касалась. На видимой стороне листа было напечатано:

«Следующая сцена требует короткого пути».

Больше ничего.

Надя посмотрела на лестницу вниз, на мокрые следы у входа, на собственную руку, которая всё ещё держала блокнот, и поняла, что Корсакова уже начала писать не только чужие отказы.

Она начала писать маршрут.

Глава 7. Ленинский проспект

Лист с лестницы не стал указанием. Именно поэтому он был опасен. Хорошая подсказка требует благодарности, плохая - реакции, а эта была сделана так, чтобы превратить любую реакцию в часть маршрута. «Следующая сцена требует короткого пути». Чистая строка, ровный шрифт, белая бумага, подъездный подоконник, мокрый след на линолеуме внизу. Корсакова не кричала из темноты и не подсовывала им киношные загадки. Она оставляла редакторские пометки к чужой жизни.

Суханов посмотрел на лист, потом на Надю.

- Никуда одна не идёшь.

- Ты сейчас говоришь как человек, которого уже вписали в комментарий.

- Я сейчас говорю как человек, которому надо, чтобы ты дожила до протокола.

- Протоколу приятно.

Паша стоял на полпролёта ниже, между ними и выходом. Не закрывал Надю телом, не пытался встать красиво, не делал из себя щит. Просто занимал место, откуда было видно дверь, лестницу вниз и окно. За последние дни он научился не защищать её так, чтобы защита стала удобной мишенью. Это было умно. И всё равно почти не спасало.

Морозов сфотографировал лист и выругался тихо, без

вдохновения.

- Я бы предложил его сжечь, но бумага, кажется, только этого и ждёт. Ей хочется финальной сцены с огнём.

- Упаковывай, - сказал Суханов.

- Спасибо, я сам бы не догадался, я же цифровик, при виде целлюлозы впадаю в религиозный ужас.

Надя уже смотрела вниз. Короткий путь из подъезда Грачёвой к машине действительно существовал: через двор, мимо контейнерной площадки, под аркой, где лампа над входом мигала так давно, что жильцы перестали замечать. Длинный шёл через парадный выход, вдоль дома, на открытую улицу, под камеры магазина и аптеки. Текст хотел короткого. Значит, короткий был не просто опасен. Он был ожидаем.

- Идём длинным, - сказала она.

Суханов усмехнулся носом.

- Потому что лист сказал коротким?

- Потому что меня бесит тон.

Рита, спускавшаяся следом с сумкой, которую она называла рабочей, хотя по виду она пережила несколько войн с анатомией и одну с прачечной, хмыкнула.

- Раздражение как метод выживания. Наконец-то медицина и следствие сошлись на понятном.

На улице дождь стал плотнее. Машины шли по проспекту серыми пятнами, в арках пахло мокрым бетоном, бензином и пакетом с гнилыми яблоками возле мусорки. Длинный путь занял на четыре минуты больше, и эти четыре минуты

почему-то ощущались не победой, а мелкой кражей у текста. Надя не обольщалась. У текста было терпение. У людей - ноги, усталость и привычка срезать углы.

До Ленинского проспекта ехали двумя машинами. Суханов впереди с оперативником, Надя с Пашей и Морозовым во второй. Рита осталась у Грачёва и тела Ракитина: если вдруг Грачёву найдут живой, ей понадобится не романтическое спасение, а человек, который сумеет отличить паническую дрожь от медикаментозной каши. Надя сидела сзади, чтобы Паша не превращался в водителя её тревоги, и смотрела в окно на мокрые вывески, остановки, людей с пакетами, на город, который продолжал идти по своим делам, пока кто-то аккуратно писал поверх него чужие сцены.

- Они знали, что мы поедem, - сказал Паша.

- Конечно, - ответил Морозов. - Мы же уникальные, непредсказуемые и все поголовно действуем по первой рабочей версии, если она пахнет чужой кровью.

- Значит, надо было не ехать?

Надя посмотрела на мокрый проспект.

- Тогда Грачёва стала бы сценой без нас. Это тоже удобно.

Паша кивнул. Не стал спорить. В нём росло плохое взрослое качество - принимать противоречие без немедленной попытки выбрать чистую сторону. Это обычно появлялось после нескольких дел, где любое верное движение всё равно оставляло грязный след. У Паши всё происходило быстрее. Система действительно умела ускорять людей, если тащила

их по асфальту.

У Ленинского проспекта было слишком много входов, переходов, лестниц, палаток, камер, людей и вариантов исчезнуть на глазах у всех. Метро шумело снизу, автобусы вздыхали у остановки, мокрые куртки скользили мимо друг друга, не встречаясь лицами. На таких пересадках город становился идеальной средой для сценарного давления: каждый спешит, каждый мешает, каждый потом скажет, что видел женщину, мужчину, подростка, пакет, серое пальто, но всё это как будто в другой жизни и не точно.

Морозов поймал фрагмент фонового объявления ещё в машине и теперь ходил с наушником, мрачно поглядывая на потолочные динамики перехода.

- Голос похож. Но информатор старый, его могли записать где угодно. Объявление про платформу, потом турникеты, потом фраза про переход на трамваи. Здесь подходит.

- И ещё где? - спросил Суханов.

- Ещё в десятке мест, если очень хочется испортить мне день. Но у нас есть Грачёва, её сын, район, звонок, и человек, который любит, чтобы мы чувствовали себя умными, пока идём по её коридору.

- Ты сказал «её», - заметила Надя.

Морозов поморщился.

- Да. Женщина с голосом редактора вошла в мой словарь. Прошу считать это травмой.

Они начали с камер. Не потому что камеры спасали, а по-

тому что без них потом любая версия превращалась в слух. Суханов быстро поднял администратора торгового павильона, Паша пошёл к охране вестибюля, Морозов вцепился в старый терминал с выгрузками так, будто тот лично прятал Грачёву под системной ошибкой. Надя осталась у перехода, где фон из объявления звучал ближе всего, и смотрела на поток людей.

Светлана Грачёва нашлась не в метро.

Её нашёл не оперативник, не камера и даже не Морозов, хотя потом он утверждал, что без него всё равно никто не догадался бы проверить служебные двери. Женщину заметила уборщица в синем халате у подземного перехода. Уборщица сначала сказала охраннику, что в помещении для инвентаря «какая-то тётка сидит и не даёт швабру взять». Охранник решил не лезть, потому что тётка была не пьяная, просто страшная. Потом пришёл Паша с ориентировкой, и тётка вдруг стала человеком.

Грачёва сидела на перевернутом пластиковом ящике между ведром, мешками для мусора и коробкой с солью для зимы. Пальто промокло по низу, волосы прилипли к вискам. В руке она держала телефон без чехла, выключенный, с трещиной поперёк стекла. На коленях лежала старая папка с завязками. Она не пряталась так, как прячутся от людей. Она сидела там, где её должны были найти, но не сразу.

- Светлана Ивановна, - сказал Суханов.

Она подняла глаза. Узнала Надю, и лицо изменилось. Не

облегчение. Злость.

- Вы всё-таки пришли.

- Вы нас позвали.

- Нет. Меня заставили вас позвать. Это разные вещи, Климова.

Голос у неё был сухой, ровный, но губы дрожали. Паша присел на корточки на безопасном расстоянии. Не накрыл её вопросами. Просто оказался ниже, чтобы не стоять над ней. Надя заметила и эту мелочь тоже, а потом мысленно отругала себя: хватит превращать Пашу в доказательство его человечности, это уже делает за неё чужой архив.

- Сын дома, - сказал Паша. - С ним люди Суханова. Он жив.

Грачёва закрыла глаза. На секунду в ней что-то обвалилось, но она не заплакала.

- Он ничего не знает.

- Уже знаем, - сказал Суханов. - Именно поэтому он не здесь.

- Нет. Вы не понимаете. Он не знает, кем я была.

Надя присела рядом, не приближаясь к папке.

- Вы были специалистом опеки. Потом работали с «Береговым». Потом отозвали заявление. Что ещё?

Грачёва тихо рассмеялась.

- Вот так. Три строчки. Должность, учреждение, поступок. Почти готово для чужой карточки. Вы правда думаете, что отличаетесь от них?

- Нет, - сказала Надя.

Грачёва открыла глаза.

- Тогда зачем пришли?

- Потому что они пишут короче.

Женщина смотрела на неё долго. Потом медленно положила телефон на пол. Не передала. Просто убрала из руки, будто признала, что пока не будет держаться за связь, которая всё равно была чужой.

- Они прислали мне текст, - сказала она. - Про сегодняшний день. Про то, как я утром достану старую папку. Как позвоню вам. Как сын не поймёт. Как я поеду сюда, потому что когда-то отсюда забирала ребёнка в «Береговой». Как сяду в служебной комнате, потому что в толпе не смогу дышать. Там было всё. Даже швабра эта ебаная.

Морозов, стоявший у двери, тихо сказал:

- Швабра - сильная детализация. Почти литература муниципального обслуживания.

Никто не улыбнулся.

- Вы сделали всё по тексту? - спросила Надя.

- Почти. Я должна была оставить папку в ячейке. Не оставила. Сидела и ждала. Думала, если вы придёте, отдам сама. Если не придёте, сожгу.

- Почему не сожгли?

Грачёва посмотрела на папку.

- Потому что там не только моя грязь.

Папку забрали не сразу. Сначала Суханов вызвал поня-

тых, Паша фиксировал место, Морозов ворчал, что помещение для инвентаря теперь исторически значимый объект криминального идиотизма. Грачёва сидела спокойно. Как человек, который слишком долго держал руку над огнём и наконец понял, что боль никуда не денется, даже если отдёрнуть.

Когда папку раскрыли, сверху лежали старые акты сопровождения детей, таблицы адаптации, письма родителей, которые писали не чиновникам, а в пустоту. Ниже - листы с пометками на полях. Корсакова появлялась там не фамилией. Сначала как «В. А.», потом как «ред.», потом, в одном письме Ракитина, уже прямо: «Корсакова правит не текст. Она правит допустимость реакции».

На последнем листе была карточка подростка.

«Самойлов Макар Вадимович. Возраст первичного включения - 10. Семейное сопровождение, группа 3. Повышенная внушаемость через чувство долга. Склонность подтверждать негативное описание себя. Роль исполнителя - пригоден».

Паша прочитал вслух только первую строку и замолчал.

Грачёва отвернулась.

- Его нельзя брать как преступника.

Суханов поднял глаза.

- Что он сделал?

- Пока ничего.

- Светлана Ивановна.

Она резко повернулась.

- Я не знаю! В тексте было, что он «войдёт в старое учреждение и подтвердит роль». Что это значит, я не знаю. Они любят так писать. Красиво, чтобы потом все делали вид, что понимали.

Морозов уже пробивал фамилию. Пальцы у него двигались быстро, лицо стало злым.

- Макар Самойлов. Шестнадцать. Учится через пень-колоду, мать умерла, опекун тётка, два раза попадал в поле зрения ПДН. Вчера отмечен рядом с бывшим центром сопровождения на проспекте Народного Ополчения. Сегодня утром телефон выключен.

Грачёва побелела.

- Там архив.

- Какой архив? - спросил Суханов.

- Остатки «Берегового». Не официальный. Комната при старом центре. Там хранили дубли личных дел, пока всё передавали на оцифровку. Я думала, её давно закрыли.

Надя посмотрела на карточку Макара. «Роль исполнителя - пригоден». Чужая формулировка уже пыталась сделать из мальчишки не человека, а функцию. Достаточно прочитать её несколько раз, достаточно подложить под неё нужный страх, достаточно дать подростку текст, где он заранее плохой, и он может пойти доказывать миру, что те правы. Или что не правы. Разницы для сценария почти не было, если движение совпадало.

Суханов уже отдавал команды. Паша поднялся. Надя то-

же.

Грачёва вдруг схватила её за рукав. Не сильно. С отчаянием, которое стыдится себя.

- Климова. Он мог получить бумагу. Они детям давали читать про себя. Он маленький был, когда это началось. Он верит написанному сильнее, чем людям.

Надя посмотрела на её руку. Потом на лицо.

- Тогда будем говорить не с бумагой.

За дверью помещения шумел переход, кто-то ругался из-за мокрых пакетов, турникеты щёлкали, город гнал людей через себя, как через огромный механизм без инструкции. В папке на полу лежала карточка мальчика, которому уже назначили роль.

На телефоне Морозова вспыхнуло сообщение от дежурного.

«В старом центре тревога. Разбито стекло. Подросток внутри».

Грачёва закрыла лицо руками.

- Началось, - сказала она.

Надя взяла карточку в отдельный пакет и впервые за день почувствовала не страх, а чистую, холодную злость.

- Нет, - сказала она. - Началось у них. Закончим мы.

Глава 8. Чужая роль

Старый центр сопровождения стоял между жилыми домами и полупустой парковкой так, будто его забыли снести вместе со всеми вывесками, где слова «помощь», «семья» и «адаптация» давно пожелтели, но всё ещё делали вид, что имеют отношение к живым людям. Двухэтажное здание с облупленной бежевой штукатуркой, железной лестницей сбоку и решётками на окнах было построено не для страха. Оно было построено для бюджетов, кабинетов, сменной обуви, детских рисунков в коридоре и папок на стеллажах. Поэтому теперь пугало сильнее. Зло, которое начиналось с доброй таблички, всегда пахло хуже подвала.

Окно на первом этаже было разбито изнутри или снаружи - сразу не сказать. Стекло лежало на мокром асфальте, мелкое, зелёно-серое, с прилипшими листьями. На двери мигала тревожная лампа, но звука почти не было: сирена устала или её заранее отключили. Возле входа стоял охранник, молодой, злой и напуганный, в форме частного предприятия. Он говорил всем подряд, что он только на дневной смене, помещение давно не используется, ключи у старшей, подростка он не видел, стекло уже было такое. Всё сразу. Чем больше человек говорил «я не при делах», тем яснее становилось, что он как минимум при двери.

- Где он? - спросил Суханов.

- В архивной комнате, - сказал охранник. - Закрылся. Я не заходил.

- Почему?

- У него нож.

Паша резко поднял глаза, но не двинулся. Надя увидела, как он остановил себя. Хорошо. Молодые следователи слишком часто путали скорость с пользой, а подростки с ножом не нуждались в чужом героизме. Они нуждались, чтобы взрослые хотя бы один раз не сделали то, что от них ждут.

- Кто с ним говорит? - спросила Надя.

- Никто. Он не отвечает. Только сказал, чтобы не входили, пока он не «подтвердит». Я думал, он обдолбанный.

- Все вы сначала думаете удобно, - сказала Рита, которая приехала следом и уже надевала перчатки. - Потом удивляетесь, что удобное в суде пахнет говном.

Суханов бросил на неё взгляд.

- Рита.

- Что? Я медицински нейтральна.

Надя подошла к двери. Не к архивной, ещё к общей, в коридор. Внутри пахло мокрой пылью, старым линолеумом, канцелярским клеем и чем-то сладковатым, детским, как дешёвый чай с ароматом малины, который когда-то разливали здесь по кружкам после занятий. На стене ещё висели выцветшие плакаты: «Я умею говорить о чувствах», «Моя семья - моя опора», «Безопасность начинается с доверия». Надя остановилась перед последним и почти услышала, как

Морозов за спиной набирает воздух для комментария.

- Молчи, - сказала она.

- Я ещё не начал.

- Поэтому и молчи.

Архивная комната была в конце коридора. Дверь старая, деревянная, с облупленной краской, поверх неё новый электронный замок, нелепый, как умный ошейник на мёртвой собаке. Замок был сломан. Не взломан аккуратно, а выбит ударом. На полу валялся огнетушитель. Им, скорее всего, и били. За дверью было тихо.

- Макар, - сказал Суханов. Голос у него изменился. Стал ниже, проще, без начальственного металла. - Меня зовут Суханов. Я не захожу. Мне нужно понять, жив ли кто внутри.

Тишина.

Потом голос. Молодой, сорванный, злой.

- Жив.

- Один?

- Пока.

Паша чуть сжал челюсть. Надя видела: слово «пока» ударило в него так же, как в неё. Такие слова в руках испуганного подростка обычно не рождались сами. Их кладут заранее.

- Что значит «пока»? - спросил Суханов.

- Значит, как написано.

Надя подошла ближе, но не к самой двери. Оставила между собой и комнатой пару метров. Пространство иногда работало лучше доверительных интонаций.

- Макар, это Климова.

С той стороны что-то резко упало. Папка, коробка или стул. Мальчишка дышал тяжело.

- Не врите.

- Не вру.

- Вы не должны были приехать.

- Уже приехала. Текст опять ошибся.

Пауза. В ней было больше жизни, чем в его прежних словах.

- Он не ошибается.

- Кто он?

- Текст.

Морозов за спиной тихо, почти беззвучно выругался. Надя не обернулась.

- Текст не умеет ошибаться или ты не имеешь права видеть ошибку?

- Я не дурак.

- Я и не говорила.

- Все говорят.

Внутри снова что-то зашуршало. Надя представила комнату: стеллажи, старые коробки, папки, пыль, подросток с ножом, возможно, порезанная ладонь, бумага перед ним, где его уже называли исполнителем, нарушителем, ролью. Он мог держать нож не для нападения. Для подтверждения. Для того, чтобы его наконец увидели ровно таким, каким описали.

- Что ты должен подтвердить? - спросила она.

- Что я такой.

- Какой?

- Не надо. Вы знаете.

- Я знаю только, что в чужой карточке тебя называли пригодным. Это про них, не про тебя.

Он засмеялся коротко, тонко.

- Удобно. Когда вам надо, бумага врет. Когда надо меня закрыть, бумага скажет правду.

Суханов посмотрел на Надю. В этом взгляде было предупреждение: не дави. Она и не собиралась. Давление уже было внутри комнаты. Их задача была не добавить вес.

- Нож у тебя где? - спросила Рита вдруг.

Все повернулись к ней. Она стояла чуть сбоку, руки в карманах халата, поверх которого даже куртку толком не застегнула.

- Вы кто? - спросил Макар.

- Рита. Работаю с телами. Очень не хочу сегодня работать с твоим, потому что ты несовершеннолетний, а у несовершеннолетних ужасная документация и родственники потом орут так, что стены портятся.

Паша закрыл глаза на секунду. Морозов уткнулся взглядом в пол. Суханов выглядел так, будто собирался одновременно убить Риту и признать, что она делает правильно.

За дверью было тихо.

Потом Макар сказал:

- В руке.

- Левой или правой?

- Правой.

- Кровь есть?

- Немного.

- Своя?

- Да.

- Отлично. Значит, пока все живы, кроме моего терпения.

Положи нож на пол. Не для полиции. Для своей ладони. Если перережешь сухожилие, потом будешь всю жизнь объяснять девушкам, что шрам не от героизма, а от того, что ты поверил бумажке. Это звучит хреново, Макар.

Молчание стало другим. Не согласным, но менее острым.

Надя почти физически почувствовала, как мальчишка внутри на секунду вышел из роли, потому что Рита говорила с ним не как с исполнителем, преступником или жертвой. Как с идиотом, у которого есть ладонь. Иногда это было точнее любой психологии.

- Она сказала, я всё равно сделаю, - сказал он.

- Кто? - спросил Суханов.

- Женщина.

- Имя?

- Не знаю. Голос спокойный. Как в аудиокнигах у мамы.

Только без души.

- Что она сказала?

- Что если я не приду, они придут к тёте. Если приду и сделаю как надо, меня просто заберут. Я уже был в системе,

мне не привыкать.

Паша тихо вдохнул. Надя поняла, что дальше будет больше.

- Что именно сделать? - спросила она.

- Разбить стекло. Войти. Найти свой старый файл. Оставить кровь на первой странице. Включить запись. Сказать: «Исполнитель подтверждён». Потом ждать.

- Кого?

- Вас.

В коридоре стало тихо настолько, что за стеной было слышно, как капает вода в старой батарее. Вот оно. Не преступление как цель. Преступление как сцена, сделанная для Нади. Подросток не должен был убить. Он должен был предьявить себя ей в той форме, которую читательский архив заранее назвал пригодной. Она должна была увидеть мальчика, кровь, старое дело, текст и взять на себя вину за то, что снова пришла поздно.

Надя почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание войти немедленно. Забрать нож. Посмотреть ему в лицо. Сказать что-то резкое, настоящее, сильное. И именно поэтому осталась на месте.

- Макар, запись уже включена? - спросила она.

- Да.

- Тогда слушай. Ты сейчас не подтверждаешь роль. Ты портишь ей материал. Очень простым способом. Кладёшь нож на пол, отходишь от него на три шага и говоришь не кра-

сивую фразу, которую тебе дали, а любую бытовую ерунду. Первое, что придёт в голову.

- Зачем?

- Потому что такие тексты плохо переваривают ерунду.

- Какую?

- Не знаю. Про батарею, про Риту, про швабру, про то, что у тебя рука болит. Что угодно, что не годится для сцены.

Пауза тянулась долго. Потом за дверью тихо звякнуло.

Нож лег на пол.

Макар сказал хрипло:

- Тут пахнет мышами и чаем.

Морозов прикрыл лицо ладонью.

- Господи, наконец-то нормальное признание.

Суханов дал знак. Дверь открывали медленно. Паша вошёл первым не потому, что рвался, а потому что стоял ближе и был в бронежилете, который успел нацепить ещё у машины. Надя вошла следом, хотя Суханов сквозь зубы сказал её фамилию так, будто это могло остановить электричество.

Макар стоял у стеллажа. Худой, длинный, в чёрной толстовке, с мокрыми волосами и лицом ребёнка, который слишком рано выучил выражение взрослой вины. На правой ладони был неглубокий порез, кровь стекала к запястью. На полу лежал строительный нож. На столе - раскрытая папка, поверх неё белый лист с его именем и старая аудиоколонка, из которой шёл едва слышный фон записи.

Паша сразу закрыл нож ногой и отодвинул. Рита подошла

к Макару.

- Руку.

- Я не...

- Руку, сказала. Потом будешь строить из себя главу уголовного кодекса.

Он протянул. Она зажала салфеткой порез, быстро, грубо, почти нежно. Макар смотрел на неё с недоверием, будто ему никто давно не прикасался без задачи.

Надя подошла к столу. На листе было напечатано:

«Самойлов М. В. склонен к подтверждению негативно-го описания. При предъявлении роли исполнителя выбирает действие, даже если действие вредит ему. В присутствии Климовой Н. А. вероятен срыв через вину внешнего следователя».

Ниже, отдельной строкой:

«Проверить: остановит ли объект подростка или начнёт читать его как доказательство собственной ошибки».

Надя положила лист в пакет. Руки были спокойные. Слишком спокойные.

- Я не хотел никого резать, - сказал Макар.

- Ты себя порезал, - ответила Рита. - Себя тоже кто-то.

Он моргнул. Не ожидал такой формулировки.

Суханов тем временем проверял комнату. Старые коробки, металлический шкаф, сканер, выключенный компьютер, два стула, пачка детских анкет, папки с фамилиями. На нижней полке, в коробке без крышки, лежали дубли дел «Бере-

гового». Надя увидела там фамилии, которые уже всплывали: Мария Климова, Грачёва, Самойлов, Лазарев. У последней папки был другой цвет ярлыка. Синий.

Паша увидел тоже. Лицо у него не изменилось.

- Не сейчас, - сказал Суханов.

- Сейчас, - ответил Паша.

- Лазарев.

- Если она лежит здесь, они хотели, чтобы я её увидел.

Если я отойду, они получают то же самое, только с задержкой.

Надя смотрела на синюю папку и понимала, что он прав. Система слишком хорошо любила отложенные реакции. Отложенная реакция часто становилась сильнее первой. Значит, лучше вскрывать при свидетелях, под запись, в грязной комнате, где пахнет мышами и чаем, а не ночью в одиночку.

- Открываем, - сказала она.

Суханов резко повернулся.

- Ты за него не решаешь.

- Я не за него. Я за материал. Он уже внутри.

Паша посмотрел на неё. В его взгляде не было благодарности. И хорошо. Благодарность опять стала бы лишним теплом на чужой карте.

Папку открыли по правилам. Синяя обложка треснула у края. Внутри были не детские анкеты Паши, как могло показаться. Там были вырезки из дел, где он появлялся рядом с Надей, начиная с дела Ани Кузнецовой. Первая запись: «первичный контакт - доставка к Климовой, реакция на отказ

от мягкости». Потом: «сохранение дистанции при высокой эмпатии». «Готовность нарушить личную безопасность ради объекта». «Риск преобразования в держателя». «Размыкание якоря после отказа от функции».

Паша читал молча. Макар рядом вдруг спросил:

- Это про вас?

- Да, - сказал Паша.

- Они и взрослых так?

- Да.

- Тогда хреново быть взрослым.

Морозов устало усмехнулся.

- Мальчик, ты даже не представляешь, насколько это официальный вывод.

Надя перевернула последний лист. Там была страница, совсем свежая. Без даты, только номер сессии.

«Лазарев П. И. после размыкания функции сохраняет остаточную привязку. Прямое давление на Климову через него не рекомендовано: объект распознаёт. Рекомендовано создать ситуацию, где Лазарев сам выберет отсутствие, считая его защитой. После этого активировать короткий путь».

Паша прочитал. Потом медленно поднял глаза на Надю.

Надя не сказала ничего. Слова сейчас были бы слишком быстрыми. Слишком готовыми. Слишком похожими на попытку закрыть дыру ладонью.

Рита закончила бинтовать Макара и бросила взгляд на лист.

- Ну охуеть теперь, - сказала она. - Они уже даже отсутствие человека считают медицинской процедурой.

Макар неожиданно тихо рассмеялся. Смех у него сорвался почти сразу, стал кашлем, потом чем-то похожим на плач, но не успел превратиться в него. Рита положила руку ему на плечо и тут же убрала, будто сама испугалась лишней мягкости.

В старом центре завывала сирена. Поздно, глухо, с переборами. То ли кто-то наконец включил, то ли система здания решила вспомнить, что у неё тоже есть голос. В коридоре засуетились люди, Суханов давал команды, Морозов упаковывал колонку, Паша стоял с листом в руке, а Надя смотрела на фразу «активировать короткий путь» и понимала, что это уже не предупреждение.

Это была подготовка.

Глава 9. Остаточная привязка

Пашу отстранили от синей папки формально, то есть так, чтобы все понимали бессмысленность формальности и всё равно могли потом сослаться на неё в рапорте. Суханов сказал «конфликт интересов» таким голосом, будто хотел вымыть рот после этой фразы. Паша не спорил. Он уже прочитал достаточно, чтобы спор стал подарком. Спорил бы объект, который хочет доказать право смотреть на себя. Человек мог просто выйти из комнаты и не дать им красивую сцену.

Он вышел.

Надя увидела это через стеклянную дверь старого центра: Паша стоял на крыльце под дождём, без капюшона, с телефоном в руке, но никому не звонил. Дождь бил по волосам, стекал по воротнику, делал лицо моложе и старше одновременно. Внутри Рита оформляла Макара к врачам, Суханов ругался с районными, Морозов снимал образ со старого компьютера, который, по его словам, «видел столько кривого доступа, что ему уже положена пенсия по цифровой инвалидности». Работа шла. Жизнь продолжала выглядеть как процедура.

Надя не пошла к Паше сразу. Это было бы слишком легко. Слишком ожидаемо. Вместо этого она осталась у стола с папками и смотрела на старые ярлыки, пока буквы не перестали прыгать. Самойлов. Грачёва. Климова. Лазарев. Раз-

ные жизни, разные годы, один тип чужого обращения: взять у человека слабое место, назвать его функцией, подложить текст и ждать, когда он сам станет доказательством написанного.

Макар сидел на стуле у двери, забинтованная рука лежала на колене. Рита велела ему не геройствовать кровью и дала воды из пластикового стакана. Он пил мелкими глотками, время от времени поглядывая на Надю так, будто не мог решить, кто она: взрослая, которую ему велели ждать, или ещё одна бумага, которая сейчас начнёт объяснять его ему самому.

- Вы правда не знали, что я сделаю? - спросил он.

- Нет.

- А она знала.

- Она написала вероятность.

- Какая разница?

Надя села напротив. Не близко. Достаточно, чтобы он не чувствовал себя на допросе, и достаточно, чтобы Суханов слышал каждое слово, если снова решит, что она переходит границу.

- Разница в том, что вероятность не имеет рук. Ты имел.

Макар посмотрел на забинтованную ладонь.

- Я всё равно сделал.

- Да.

- Вы должны сказать, что меня заставили.

- Тебя подтолкнули. Запугали. Использовали. Это важно.

Но руку ты поднял сам.

Он сжал губы. Взгляд стал злым.

- Значит, я виноват.

- Да.

Рита, стоявшая у шкафа, повернула голову. Паша на улице, кажется, тоже посмотрел через стекло, хотя из-за дождя было не разобрать.

- И что теперь? - спросил Макар.

- Теперь с этим можно работать. С тем, что ты сделал. Не с ролью, которую тебе дали. Роль удобнее, потому что в ней ты или монстр, или жертва. Человек хуже. У человека есть выбор, даже если ему его изуродовали.

Макар смотрел на неё долго. Потом тихо сказал:

- Это мерзко.

- Да.

- Вы всегда так утешаете?

- Я не утешаю.

- Заметно.

Рита фыркнула.

- Наконец-то подросток с диагностической точностью.

Макар почти улыбнулся. Почти. И в этой недоделанной улыбке было больше пользы, чем в любом обещании «мы тебя спасём». Спасение тоже легко превращалось в роль. Особенно для тех, кто вырос среди взрослых, умеющих подписывать чужую безопасность.

Паша вернулся через несколько минут. Мокрый, с холод-

ными руками и лицом, на котором уже не было первой белой пустоты. Он не подошёл к Наде. Сразу к Суханову.

- Я хочу дать объяснение по папке сейчас.

- Не сейчас, - сказал Суханов.

- Сейчас. Пока я не успел красиво всё для себя переписать.

Суханов посмотрел на него тяжело. Потом кивнул Паше в сторону пустого кабинета.

- Пять минут. Под запись. Климова не участвует.

Надя не сказала ничего. И правильно. Любая её реплика сейчас стала бы либо поддержкой, либо контролем, либо обидой. Все варианты уже наверняка были в чужом черновике. Лучше оставить пустое место. Пустые места тоже иногда работали.

Они ушли в кабинет с вывеской «Методист», где на стене всё ещё висели детские ладошки из цветной бумаги. Дверь закрылась. Надя осталась с Макаром, Ритой и Морозовым. Морозов поднял голову от старого компьютера.

- Нашёл локальный справочник. Очень старый. Обрезанный. Но в нём есть связь между «Береговым» и нынешним читательским архивом. Раньше это называлось «сессии адаптационного чтения». Потом «поведенческая устойчивость». Потом кто-то понял, что звучит слишком людоедски для бюджета, и переименовал в «читательскую верификацию». Люблю карьерный рост терминов. Сначала ты мерзость, потом методика, потом сервис.

- Кто переименовал? - спросила Надя.

- Вот тут интересно. В метаданных старого шаблона есть пользователь VAK.

- Вера Андреевна Корсакова, - сказала Рита.

- Скорее всего. Но я не буду писать «скорее всего» в рапорте, потому что Суханов меня съест, а в нём и так много горечи.

- Даты?

- Первые шаблоны двенадцатый год. Последние правки - прошлый месяц. И да, до того как ты спросишь, часть файлов синхронизировалась с внешним хранилищем через тот же контур, где всплывал Ершов. Мёртвые ключи, живые шаблоны. Прекрасная семейная пара.

Надя подошла к экрану. В списке шаблонов были названия, от которых не хотелось даже злиться. «Принятие версии». «Снижение сопротивления». «Вина опекуна». «Безопасный отказ». «Добровольный выход». «Короткий путь».

Последнее было создано три дня назад.

- Открой копию.

- Уже. И сразу говорю: если оно заорёт твоим голосом, я увольняюсь в свечной заводик.

Файл оказался таблицей сценарных условий. Не готовым текстом, а матрицей. Субъект, состояние, внешний раздражитель, ожидаемое решение, страховый фактор, альтернативный маршрут, наблюдатель, корректор. В строке «Климова Н. А.» стояло: «после контакта с подростком - повышенная вина, раздражение, отказ от охраны как способ сохра-

нить субъектность». В строке «Лазарев П. И.»: «после обнаружения остаточной привязки - стремление уйти из поля как защита объекта». В строке «Суханов А. И.»: «усиление контроля через прямой запрет, провоцирует объект на обход». Ниже, в комментарии: «Сцена короткого пути активизируется при разделении Климовой и Лазарева».

Рита прочитала и медленно сказала:

- Ну то есть они решили, что если мальчика сунуть ей под кожу, Пашу вынуть из кадра, а Суханова заставить командовать, Надя сама пойдёт куда надо.

- Грубо, но да, - сказал Морозов.

- А если она не пойдёт?

Морозов посмотрел на следующую строку.

- Тогда среда усилится.

Надя читала молча. Раздражение, вина, отказ от охраны. Всё точное. Неприятно точное. Чужой текст не ошибался в ней по-крупному. Он ошибался только в одном: считал точность правом собственности. Если тебя верно описали, это ещё не значит, что тебя получили.

Из кабинета вышел Паша. Лицо спокойное, слишком бледное. Суханов шёл за ним и выглядел так, будто Паша только что не дал ему ни запретить, ни спасти.

- Что? - спросила Надя.

- Ничего, - сказал Паша.

- Не ври.

Он посмотрел на неё. Потом на Морозова, на Риту, на от-

крытый файл.

- Я дал объяснение. По всем контактам, которые помню.

Где я выбирал не процедуру, а вас.

Суханов тихо сказал:

- Лазарев.

- Игорь Михайлович, она всё равно узнает. Пусть от меня, пока я ещё человек, а не выписка.

Надя не ответила. Внутри что-то сжалось не от нежности даже, а от злости на тех, кто заставил их говорить такие вещи под записью.

Паша продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.